

АВТОР № 1 БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

VIRGIN RIVER

РОБИН КАРР

ЧИСТАЯ РЕКА

Никогда не поздно начать жизнь
с чистого листа

18+



Робин Карр
Чистая река
Серия «Милые магнолии.
Романы о любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66940858
Карр, Робин. Чистая река : АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137658-1

Аннотация

Ищем практикующую акушерку/медсестру в Вирджин-Ривер (население – шестьсот человек). Работа на природе: вы остановитесь на свежем воздухе среди калифорнийских секвой и кристально чистых рек. Жилье предоставляется бесплатно.

Когда недавно овдовевшая Мелинда Монро видит это объявление, она без колебаний принимает решение о переезде. Городок Вирджин-Ривер, расположенный в горах вдали от шумной суеты, может стать идеальным местом, чтобы начать новую жизнь и возобновить карьеру медсестры.

Но ее надежды разбиваются сразу по прибытии. «Бесплатное жильё» оказывается старой полуразвалившейся хижинкой, дорога до работы – сущим адом, а будущий начальник Мелинды не хочет иметь с ней ничего общего.

Понимая, что совершила огромную ошибку, Мэл решает уехать из города. Но событие следующего утра меняет все ее планы...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	41
Глава 3	76
Глава 4	105
Глава 5	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Робин Карр

Чистая река

Robyn Carr
Virgin River

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

VIRGIN RIVER © 2007 by Robyn Carr

© А.А.Баннов, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Этот роман посвящается Пэм Гленн, моей
подруге, родственной душе и настоящей богине
акушерского искусства*

Глава 1



Прищурившись, Мэл вглядывалась сквозь тьму и стену дождя, медленно пробираясь на машине по узкой, извилистой и грязной дороге, с обеих сторон окруженной рядами деревьев. В сотый раз ее посетила мысль: «Неужели я сошла с ума?». Стоило ей об этом подумать, как она сначала услышала, а потом ощутила глухой удар, когда правое заднее колесо ее «БМВ» соскользнуло с дороги на обочину, с чавканьем погрузившись в грязь. Машина, качнувшись, остановилась. Она попробовала добавить газу и услышала, как натужно вращается колесо, однако машина не тронулась с места.

«Похоже, я вляпалась», – была первая мысль, что пришла ей в голову.

Мэл включила в салоне свет и взглянула на экран телефона. Сигнал потерялся еще час назад, когда она свернула с автострადы и направилась в сторону гор. Она вела весьма оживленную дискуссию со своей сестрой Джоуи, когда крутые холмы и невероятной высоты деревья заблокировали сигнал, оборвав их беседу.

– Не могу поверить, что ты действительно это делаешь, – возмущалась Джоуи. – Я думала, что ты одумаешься. Это же не твое, Мэл! Ты вовсе не какая-то провинциальная девчонка!

– Неужели? Впрочем, кажется, мне придется ею стать – я получила там работу и специально распродала все имущество, чтобы не было соблазна вернуться обратно.

– А просто взять отпуск религия не позволяет? Или пе-

ревестись в какую-нибудь маленькую частную клинику? Может быть, попытаться еще раз хорошенько все обдумать?

– Я хочу полностью сменить обстановку, – отрезала Мэл. – Мне осточертело больничное пекло. Конечно, это всего лишь предположение, но что-то мне подсказывает, что в этой глуши мне не придется ухаживать за детишками из семей наркоманов. Та женщина рассказывала, что Вирджин-Ривер – это тихое, спокойное и безопасное местечко.

– Да, только ты будешь торчать в глухой чащобе, за миллион миль от ближайшего «Старбакса», работая за еду вроде яичницы и жареных свиных ножек, и...

– И никого из моих пациентов не приведут в наручниках под охраной сотрудника исправительной службы, – закончила за нее Мэл. Затем вздохнула и, неожиданно рассмеявшись, добавила: – Свиные ножи, да? Ой, Джоуи, я снова приближаюсь к деревьям, сигнал может оборваться...

– Ничего, подождешь немного. Ты пожалеешь. Ты еще раскаешься в этом поступке. Это безумный, импульсивный и...

Затем сигнал, слава небесам, оборвался. Однако Джоуи была права: наматывая очередную милю, Мэл все больше корила себя за решение сбежать в провинциальную глушь.

С каждым новым поворотом дорога все больше сужалась, а дождь хлестал сильнее. На часах было только шесть часов вечера, однако стояла темень, как в бочке со смолой; деревья вздымались таким высоким и плотным строем, что

сквозь них не могли прорваться даже последние лучи дневного солнца. И, конечно же, никаких фонарей на этой извилистой дороге не было и в помине. Если верить полученным указаниям, она уже подъезжала к дому, где должна состояться встреча с новым работодателем, но Мэл не собиралась выбираться из застрявшей машины и идти пешком. Не хватало еще заблудиться в этих лесах — тогда все, пиши пропало.

Вместо этого она выудила из своего портфеля фотографии, пытаясь напомнить себе о тех причинах, по которым решила взяться за эту работу. Здесь были фотографии причудливой деревушки с домиками, обшитыми досками, с парадными крылечками и мансардными окнами; с церквушкой со шпилем; старомодным зданием школы; клумбами с мальвами и рододендронами; цветущими яблонями во всей красе, не говоря уже о зеленых пастбищах, на которых пасся домашний скот. Еще там можно было увидеть кондитерскую, совмещенную с кофейней; магазин на углу перекрестка; крохотное однокомнатное здание библиотеки и очаровательный маленький домик в лесу, который будет принадлежать ей бесплатно целый год, на время действия рабочего контракта.

Городок со всех сторон окружали рощи поражающих воображение секвой и обширные национальные леса; эти нетронутые человеком чащобы тянулись на сотни миль по склонам горных хребтов Тринити и Шаста. Река Вирджин, в честь которой был назван городок, славилась своей глубиной, шириной и протяженностью, служа домом для

огромных лососей, осетров, карпов и форели. Увидев в интернете фотографии этого затерянного в глуши райского уголка, Мэл безоговорочно решила, что более красивого места на земле просто не найти. Конечно, теперь она не видела вокруг себя ничего, кроме дождя, грязи и тьмы.

Желая уехать куда-нибудь подальше из Лос-Анджелеса, она отправила свое резюме в «Реестр медсестер», и вскоре одна из сотрудниц-рекрутеров обратила внимание Мэл на Вирджин-Ривер. По ее словам, городской врач в силу своего преклонного возраста нуждался в помощнике. А одна из жительниц города по имени Хоуп Мак-Кри готова предоставить дом для проживания и выплачивать зарплату в первый год работы. Округ готов оплатить страхование гражданской ответственности по крайней мере на год, чтобы заполнить практикующего врача и акушерку в столь глухую сельскую глубинку. «Я отправила миссис Мак-Кри ваше резюме и рекомендательные письма по факсу, – объяснила рекрутер, – и вы ей понравились. Может, вам стоит съездить туда и осмотреться на месте?»

Мэл взял номер телефона миссис Мак-Кри и позвонила ей в тот же вечер. Вирджин-Ривер оказалась намного меньше, чем она предполагала, однако после разговора с миссис Мак-Кри, который занял не более часа, уже на следующее утро Мэл начала готовиться к переезду из Лос-Анджелеса. Это было всего лишь две недели назад.

Чего не знали ни в «Реестре», ни в Вирджин-Ривер, так

это того, что Мэл отчаянно хотела сбежать из Лос-Анджелеса. Куда угодно, лишь бы как можно дальше. Она уже несколько месяцев мечтала о том, чтобы начать новую жизнь в тишине и покое. Ей тяжело было припомнить, когда она в последний раз спокойно выспалась. Опасности большого города, где преступность как будто охватила все районы без исключения, начали овладевать всеми ее мыслями. Обычный поход в банк или магазин пугал ее до чертиков; опасность, казалось, таится повсюду. Работая в окружной больнице и травматологическом центре на три тысячи копеек, она заботилась о жертвах преступлений, не говоря уже об их виновниках, раненных во время преследования или задержания. Они лежали прикованные к больничным койкам в палатах или отделениях неотложной помощи под охраной полицейских. Ее дух (точнее, его остатки) изнывал от ран и нестерпимой боли. Однако это было ничто по сравнению с зияющим одиночеством в ее пустой постели.

Друзья умоляли ее подавить в себе этот импульс сбежать в какой-нибудь далекий, незнакомый городок. Однако на тот момент она уже посещала группу поддержки, находилась на индивидуальном учете у психолога и за последние девять месяцев навещала церковь чаще, чем за предыдущие десять лет. И все без толку. Единственное, что дарило Мэл душевное спокойствие, – фантазии о побеге в какое-нибудь крохотное местечко в глубинке, где людям не нужно запира́ть двери и единственное, чего нужно бояться, это что к вам

в огород забредут олени. Такое место казалось ей землей обетованной.

Но теперь, сидя в своей машине и разглядывая фотографии в свете салонной лампочки, она поняла, насколько нелепо себя ведет. Миссис Мак-Кри велела ей брать с собой только хорошую, прочную одежду – джинсы и ботинки, – которая подошла бы к образу жизни провинциального врача. И что же она с собой прихватила? Ботинки от «Стюарт Вейцман»¹, «Коул Хаан»² и «Фрай»³ – в свое время она, не раздумывая, заплатила по четыреста пятьдесят баксов за пару. Джинсы, которые она взяла, чтобы разъезжать в них по фермам и ранчо, были от «Рок-н-Репаблик»⁴, «Джо'с»⁵, «Лаки»⁶, «7 фор Олл Мэнкайнд»⁷ – цена у них разнилась от ста пятидесяти до двух с половиной сотен зеленых. За стрижку и мелирование она платила триста долларов. Когда после скром-

¹ «Стюарт Вейцман» (Stuart Weitzman) – американский модный бренд, уходящий корнями в середину 19-го века.

² «Коул Хаан» (Cole Haan) – американский модный бренд, основан в 1928 г. в Чикаго.

³ «Фрай» (Frye) – американский обувной бренд, основан в 1853 г.

⁴ «Рок-н-Репаблик» (Rock & Republic) – американский бренд, производящий джинсовую одежду. Основан в 2002 г. в Лос-Анджелесе.

⁵ Джо'с» (Joe's Jeans) – американский бренд джинсовой одежды, основан в 2001 г. в Лос-Анджелесе.

⁶ «Лаки» (Lucky Brand Jeans) – американская джинсовая компания, основана в 1990 г. в Верноне.

⁷ «7 фор Олл Мэнкайнд» (7 For All Mankind) – американский джинсовый бренд, основан в 2000 г. в Верноне.

ных лет учебы в колледже и последипломного образования Мэл стала практикующей медсестрой с очень хорошей зарплатой, то обнаружила, что ей нравятся качественные вещи. Большую часть рабочего дня она могла провести в халате, но сняв его, ей хотелось выглядеть на все сто.

«М-да, – подумала Мэл, – на оленей с рыбами я произведу неотразимое впечатление».

За последние полчаса на дороге ей повстречался лишь один старый грузовик. Миссис Мак-Кри не предупредила ее о том, насколько опасны и круты эти дороги, полные резких поворотов и отвесных обрывов, местами настолько узкие, что двум машинам было бы сложно разъехаться. Мэл даже ощутила некоторое облегчение, когда ее поглотила наступающая темнота, поскольку так она могла хотя бы видеть приближающийся из-за крутых поворотов свет фар. По крайней мере, ее машина выехала на обочину с той стороны дороги, где вздымался холм, а не на выступ без ограждений. Теперь она сидела здесь, заблудившаяся посреди темного леса и несчастная.

Вздохнув, Мэл повернулась и стянула свое тяжелое пальто с одного из ящиков на заднем сиденье. Она тешила себя надеждой, что миссис Мак-Кри будет ехать по этой дороге, направляясь к дому, где они должны встретиться, либо, наоборот, в противоположную сторону. В противном случае ей, наверное, придется ночевать в машине. У нее еще оставалось пару яблок, несколько крекеров и две головки сыра в вос-

ке. Вот только проклятая диетическая кола закончилась – по утрам Мэл била дрожь и раскалывалась голова из-за отказа от кофеина.

Никаких «Старбаксов»... Да, ей придется научиться лучше делать запасы.

Она выключила двигатель, но фары оставила включенными, на тот случай, если на узкой дороге вдруг появится какая-нибудь машина. Если ее никто не спасет, батарея сдохнет уже к утру.

Мэл откинулась назад и закрыла глаза. Перед ее внутренним взором предстало до боли знакомое лицо: Марк. Иногда тоска по тому, чтобы еще разок его увидеть, поговорить хоть немного, давила на нее невыносимым грузом. Дело было даже не в том, что ее сердце разрывалось от горя. Она просто скучала по нему – как по другу, на которого можно было положиться, которого можно было ждать и просыпаться рядом по утрам. Даже их долгие, многочасовые споры казались ей теперь привлекательными. Однажды он сказал ей: «Послушай, ты и я – это навсегда».

«Навсегда» продлилось ровно четыре года. Ей было всего тридцать два, и отныне она будет жить в одиночестве. Он умер. А она будто омертвела внутри.

Ее внимание привлек резкий стук в окно машины, и сначала Мэл даже не смогла понять – то ли она заснула, то ли просто с головой погрузилась в раздумья. Источником шума оказалась ручка фонарика, которым стучал по стеклу ка-

кой-то старик. Хмурое выражение его лица было столь резким, что в первые секунды ей показалось, будто конец, которого она так боялась, наконец-то ее настиг.

– Мисс, – произнес он, – сдастся мне, вы увязли в грязи.

Она опустила стекло, и в лицо ей тут же ударил влажный туман.

– Я... знаю. Да, застряла в этой канаве.

– На такой рухляди вы здесь далеко не уедете, уж поверьте, – скептически произнес старик.

Рухлядь, ничего себе! Это был новенький кабриолет «БМВ», ставший результатом одной из ее многочисленных попыток облегчить боль одиночества.

– Да, жаль только, что мне никто этого раньше не сказал. Впрочем, большое спасибо за понимание.

Тонкие седые волосы облепили его голову, а густые белые брови вздымались вверх, словно щетки; капли дождя блестели на его куртке и стекали с внушительного носа.

– Сядьте покрепче, я зацеплю вас цепью за бампер и вытащу. Вы направляетесь к дому Мак-Кри?

Что ж, именно это она и искала – место, где все друг друга знают. Мэл хотела было предупредить старика, чтобы он не поцарапал бампер, но ей удалось лишь, заикаясь, выдавить из себя:

– Д-да.

– Тут недалеко. Вы можете ехать за мной, когда я вас вытащу.

– Спасибо, – отозвалась она.

Значит, спать она все-таки будет в кровати. И если у миссис Мак-Кри есть сердце, значит, ей предложат что-нибудь поесть и выпить. Ее воображение тут же нарисовало картинку с пылающим камином в уютном коттедже под звуки стучащего по крыше дождя, и вот – она сама, сидящая на глубокой, мягкой кровати с красивым постельным бельем и обернутыми вокруг нее одеялами. Безопасность. Покой. Наконец-то. Ее машина застонала и, напрягшись, вылетела из канавы на дорогу. Старик протянул ее на несколько футов вперед, пока она не оказалась на твердой земле, а затем остановился, чтобы снять цепь. Бросив ее в кузов грузовика, он жестом велел Мэл ехать за ним. Спорить было бессмысленно – по крайней мере, если она снова застрянет, он опять ее вытащит. Она ехала следом за стариком, постоянно брызгая на лобовое стекло очистителем и включив щетки, чтобы грязь, летящая из-под колес его пикапа, полностью не закрыла ей обзор.

Меньше чем через пять минут грузовик поморгал ей боковым сигналом, и она послушно повернула вслед за ним направо, к почтовому ящику. Дорога оказалась короткой, ухабистой и полной выбоин, но вскоре вывела их на открытое пространство. Грузовик сделал большой круг по поляне, разворачиваясь обратно, а Мэл не оставалось ничего иного, кроме как проехать вперед, чтобы остановиться прямо перед... какой-то лачугой.

Она ничем не походила на милый, уютный коттедж. Да, это был дом с крышей в форме буквы «А», и переднее крыльцо там тоже имелось – вот только крыльцо это, казалось, крепилось к самому зданию лишь одним краем, в то время как другой оторвался и накренился к земле. Черепица почернела от дождя и времени, а одно из окон оказалось заколочено досками. Изнутри не просачивалось ни лучика света, а из каминной трубы не исходило даже слабого намека на уютный дымок.

Фотографии по-прежнему лежали рядом, на соседнем сиденье. Мэл ударила по рулю, загудев клаксоном, схватила фотографии и выпрыгнула из машины, натягивая на голову капюшон своей шерстяной куртки. Она подбежала к грузовику. Старик опустил боковое стекло и посмотрел на нее так, будто она не в себе.

– Вы уверены, что это коттедж миссис Мак-Кри?

– Ага.

Она сунула ему под нос фото симпатичного коттеджа с двускатной крышей, адирондаковскими⁸ креслами на крыльце и подвесными горшками с яркими цветами, украшающими фасад дома. На фотографии он был залит солнечным светом.

– Хм, – буркнул старик, – давненько он уже так не выгля-

⁸ Адирондаковское кресло – это деревянное кресло для отдыха на открытом воздухе с широкими подлокотниками, решетчатой спинкой и приподнятым спереди сиденьем.

дит.

– Только мне об этом ничего не сказали. Она утверждает, что я могу жить в этом доме бесплатно целый год, плюс зарплата. Я предполагала, что буду помогать доктору этого городка. Но это...

– Не знал, что доктор нуждается в помощи. Это ведь не он лично тебя нанимал, да? – уточнил собеседник.

– Нет. Мне сказали, что он уже слишком стар, чтобы справляться с потребностями города, и ему нужен в помощь еще один доктор. Чем я и должна заниматься год или около того.

– И чем же?

Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть шум дождя:

– Я практикующая медсестра. Плюс у меня есть диплом медсестры-акушерки.

Казалось, его это развеселило.

– Да неужто?

– Вы знаете доктора? – осведомилась Мэл.

– Тут все всех знают. Похоже, вам надо было для начала приехать сюда, осмотреться и пообщаться с доктором лично, прежде чем принимать решение.

– Да, похоже на то, – сказала она с некоторым укором в свой адрес. – Подождите, я сбегая за сумочкой и заплачу вам за то, что вытащили меня из...

Однако он тут же протестующе замахал рукой.

– Не надо мне ваших денег. У людей здесь их не так много, чтобы разбрасываться попусту, прося соседей о помощи. Итак, – иронично продолжил старик, приподняв кустистую белую бровь, – кажется, что она обвела вас вокруг пальца. Этот дом пустует уже долгие годы. – Он усмехнулся. – Жить бесплатно! Ха!

В этот момент поляну осветили фары приближающегося «Субурбана». Когда он подъехал, старик бросил женщине внутри:

– Вот и она. Удачи.

Сказав это, он рассмеялся. И выезжая с поляны, не переставал хихикать. Мэл засунула фотографии под куртку и осталась стоять под дождем возле своей машины, дожидаясь, пока «Субурбан» припаркуется. Она могла бы подняться на крыльцо, чтобы спастись от непогоды, но оно выглядело небезопасно.

У «Субурбана» была высокая осадка и большие шины – уж он-то в грязи точно не застрял бы. Вид у него был очень достойный, но все же было очевидно, что это старая модель. Водитель направил фары на коттедж, оставив их включенными, а сам открыл дверь. Наружу вылезла крошечная старая женщина с упругими белыми локонами и очками в черной оправе, слишком большими для ее лица. Дождевик и резиновые сапоги не позволяли разглядеть ее получше, но росту в ней было не больше пяти футов. Она бросила сигарету в грязь и, широко улыбаясь, подошла к Мэл.

– Добро пожаловать! – весело произнесла она тем же глубоким, хриплым голосом, который запомнился Мэл по их телефонному разговору.

– Добро пожаловать? – передразнила ее Мэл. – Добро пожаловать?

Она вытащила из куртки фотографии и помахала ими перед лицом женщины.

– Это обман!

Оставаясь совершенно невозмутимой, миссис Мак-Кри произнесла:

– Да, здесь можно было бы немного привести все в порядок. Я собиралась вчера сюда приехать, но не смогла выкроить время.

– Привести в порядок? Миссис Мак-Кри, да он готов рухнуть! Вы сказали, что это восхитительное место! Изумительное – вот что вы сказали!

– Бог ты мой! – удивилась миссис Мак-Кри. – Люди из «Реестра» не предупредили меня, что ты такая импульсивная.

– А меня они не предупредили, что вы обманщица!

– Слушайте, такие разговоры ни к чему не приведут. Хотите стоять под дождем или зайдем внутрь и посмотрим, что у нас там есть?

– Честно говоря, я бы очень хотела развернуться и уехать отсюда прочь, но, кажется, я далеко не уеду на машине без полного привода. Еще одна мелочь, о которой вы могли бы

упомянуть.

Не обращая на нее внимания, маленькая седовласая фея поднялась на крыльцо лачуги. Вместо того чтобы открыть дверь с помощью ключа, она просто хорошенько ударила по ней плечом.

– Слегка разбухла от дождя, – произнесла она хрипловатым голосом и исчезла внутри. Мэл последовал за ней, но не осмелилась сразу ступить по крыльцу, как миссис Мак-Кри. Вместо этого она осторожно проверила его на прочность. Крыльцо опасно накренилось, но перед входом, казалось, держалось крепко. Как только Мэл подошла к двери, внутри загорелся свет. Сразу после этого наружу вылетело облако удушающей пыли, поскольку миссис Мак-Кри хорошенько встряхнула скатерть. Это заставило Мэл выскочить обратно на крыльцо, задыхаясь от кашля. Придя в себя, она глубоко вдохнула холодный влажный воздух и снова вошла внутрь.

Миссис Мак-Кри, казалось, была занята тем, чтобы навести порядок, несмотря на всю скопившуюся в доме грязь. Она придвинула стулья к столу, сдула пыль с абажуров, подперла ряд книг на полке книжными подставками. Мэл огляделась, но только для того, чтобы удостовериться в своих предчувствиях относительно того, насколько ужасна окружающая обстановка – она никак не могла здесь остаться. В комнате еще обнаружили выцветший диван с цветочным рисунком, такое же кресло и оттоманка, старый сундук, слу-

живший журнальным столиком, и книжный шкаф из кирпичей и досок, причем доски были необтесанные. Всего лишь в нескольких шагах, отделенная от гостиной стойкой, находилась небольшая кухня. На ней явно не убирались с тех самых пор, как последний человек приготовил там ужин – по-видимому, это произошло много лет назад. Холодильник и духовка стояли с открытыми дверцами, как и большинство дверей комода. В раковине громоздилась гора кастрюль и прочей посуды; в шкафах стояли стопки пыльных тарелок, а также множество чашек и стаканов, слишком грязных, чтобы ими можно было пользоваться.

– Извините, но это совершенно неприемлемо, – звенящим голосом отчеканила Мэл.

– Тут всего лишь немного грязно.

– Там в духовке птичье гнездо! – воскликнула Мэл, окончательно выйдя из себя.

Миссис Мак-Кри пробежала на кухню в своих грязных резиновых сапогах, сунула руку в духовку и вытащила оттуда птичье гнездо. Подойдя к входной двери, она выбросила его во двор. Затем подняла свои очки повыше и взглянула на Мэл.

– Вот и нет больше никаких птичьих гнезд, – произнесла она с интонациями, очевидно показывающими, что гостья испытывает ее терпение.

– Послушайте, я не уверена, что у меня получится. Этому старику в пикапе пришлось вытаскивать меня из грязи там,

на дороге. Я не могу оставаться здесь, миссис Мак-Кри, это абсолютно исключено. К тому же я проголодалась, а у меня нет с собой еды. – Мэл глухо рассмеялась. – Вы утверждали, что меня ожидает достойный прием и все будет готово к моему приезду, поэтому я посчитала, что вы имеете в виду чистое жилье и достаточный запас продуктов, чтобы продержаться пару дней, пока мне не удастся сделать покупки. Но это...

– Вы заключили контракт, – многозначительно произнесла миссис Мак-Кри.

– Вы тоже, – парировала Мэл. – Не думаю, что вы сможете хоть кого-то убедить в том, что это похоже на нормальный прием.

Вместо ответа Хоуп подняла глаза к потолку.

– Крыша не протекает, это хороший знак.

– Боюсь, что этого мало.

– Проклятая Шерил Крейтон должна была заглянуть сюда, чтобы хорошенько прибраться, но вместо этого три дня подряд кормила меня отговорками. Я думаю, она снова запила. У меня в грузовике есть постельное белье, а на ужин я тебя сама сейчас отвезу. Утром это местечко будет смотреться получше.

– А что, нет какого-нибудь другого места, где я могла бы остановиться на ночь? Чтобы там просто были кровать и завтрак? Мотель возле трассы, например?

– Кровать и завтрак? – рассмеялась старуха. – Это что,

похоже на туристический рай? Трасса в часе езды отсюда, а ливень зарядил не из легких. У меня большой дом, только свободной комнаты там не найдется – он весь сверху донизу забит всякой рухлядью. Когда я умру, его будет проще сжечь, чем расчистить. Там одну кушетку можно целую ночь разгребать.

– Но должно же быть что-то...

– Ближе всего находится дом Джо Эллен – у нее есть милая комнатка над гаражом, иногда она ее сдает. Но ты там вряд ли захочешь ночевать. Ее муж может вести себя крайне паскудно. Немало женщин Вирджин-Ривер отхлестало его по щекам – ничего хорошего не выйдет, если ты окажешься там в ночнушке, когда Джо Эллен крепко заснет, а ему начнут приходить в голову всякие мыслишки. Он тот еще распутник.

«О боже», – подумала Мэл. С каждой секундой это место представляло перед ней во все более неприглядном свете.

– Я скажу тебе, что мы сделаем, девочка. Я включу бойлер, холодильник и обогреватель, а потом мы отправимся за горячим ужином.

– В кафе?

– Оно закрылось три года назад, – ответила ей миссис Мак-Кри.

– Но ведь вы прислали мне его фотографию – словно намекая, что именно там я буду обедать и ужинать весь следующий год!

– Это все мелочи. Господи, ты действительно перевозбудилась.

– Перевозбудилась?!

– Прыгай в машину, я скоро выйду, – скомандовала старуха. Затем, полностью игнорируя Мэл, она подошла к холодильнику и наклонилась, чтобы его включить. Внутри сразу зажглась лампочка, и миссис Мак-Кри полезла внутрь отрегулировать температуру, прежде чем закрыть дверцу. Заработав, мотор холодильника издал нездоровый скрежет.

Повиновавшись, Мэл подошла к «Субурбану», но тот так высоко стоял над землей, что ей пришлось схватиться за внутреннюю ручку двери, чтобы практически втащить себя в салон. Здесь она почувствовала себя намного безопаснее, чем в доме, где хозяйка как раз зажигала газовый водонагреватель. У Мэл возникла мимолетная мысль, что если он сейчас взорвется, превратив хижину в грудку обломков, это положит конец ее невзгодам.

Усевшись на пассажирское сиденье, Мэл оглянулась через плечо и увидела, что задняя часть «Субурбана» забита подушками, одеялами и коробками. Возможно, все это предназначалось для разваливающейся хижины. Что ж, если выбраться отсюда сегодня вечером не получится, она могла бы переночевать в своей машине, раз уж на то пошло. Все эти одеяла не позволили бы ей замерзнуть насмерть. А потом, с первыми же лучами солнца...

Через несколько минут миссис Мак-Кри вышла из лачуги

и прикрыла за собой дверь. Даже на замок запирать не стала. Мэл впечатлило, с какой ловкостью старушка забралась в «Субурбан». Она поставила ногу на ступеньку, схватилась одной рукой за дверную ручку, а другой уцепилась за подлокотник и запрыгнула прямо на сиденье. Там лежала довольно большая подушка, а сиденье было так выдвинуто вперед, чтобы старушка могла дотянуться до педалей. Не говоря ни слова, она завела мотор и умело выехала по узкой тропинке на дорогу.

– Когда мы разговаривали пару недель назад, вы сказали, что привыкли к суровым условиям, – напомнила ей миссис Мак-Кри.

– Так и есть. Последние два года я заведовала женским отделением окружной больницы на три тысячи коек. У нас там встречались самые сложные случаи и безнадежные пациенты, какие только могут быть, и мы чертовски хорошо поработали, уж поверьте мне. До этого я несколько лет провела в отделении неотложной помощи в центре Лос-Анджелеса, а это очень нелегкая работа, по каким стандартам ни оценивай. Я посчитала, что под суровыми условиями вы имели в виду чисто медицинские моменты. Я и подумать не могла, что это означает, будто я должна стать бывалой повелительницей фронта.

– Боже, какая ты неугомонная! Ты почувствуешь себя гораздо лучше после того, как поешь.

– Я надеюсь, – ответил Мэл. Но внутренний голос убеж-

дал ее, что здесь нельзя оставаться. Что вся эта авантюра – чистое безумие, надо это признать и убираться отсюда к черту. Единственное, что ее действительно пугало, так это перспектива рассказать обо всем Джоуи.

Во время поездки они не разговаривали. По мнению Мэл, им не о чем было беседовать. Кроме того, ее очаровали те легкость, скорость и ловкость, с которыми мисс Мак-Кри управляла своим здоровенным «Субурбаном», подпрыгивая на дорожных ухабах и спокойно вписываясь в крутые повороты, несмотря на проливной дождь.

Мэл казалось, что этот переезд может подарить ей передышку от боли, одиночества и страха. Освободить ее от стресса общения с пациентами, которые были либо виновниками, либо жертвами преступлений или несчастными бедолагами без малейших средств и надежды на лучшую жизнь. Когда она увидела фотографии далекого симпатичного городка, то с легкостью вообразила себе некое уютное место, где окажется необходима людям. Она представила, как расцветает, выслушивая сердечные благодарности розовощеких деревенских пациентов. Работа, имеющая значение, – вот что всегда помогало ей справляться с любыми тревогами и личными проблемами. Не говоря уже о возможности убежать от смога и транспорта, вернувшись в лоно природы, к первозданной красоте лесов. Она даже помыслить не могла, что ее возврат к природе окажется столь глубоким.

Перспектива помогать во время родов сельским женщи-

нам (в основном не имеющим страховки) в Вирджин-Ривер стала последним доводом, из-за которого она согласилась на эту сделку. Работать практикующей медсестрой было интересно, но акушерство было ее истинным призванием.

Теперь из всей семьи у нее осталась только Джоуи; она хотела, чтобы Мэл переехала в Колорадо-Спрингс и осталась жить с ней, ее мужем Биллом и их тремя детьми. Но Мэл не хотела менять один большой город на другой, хотя Колорадо-Спрингс и выглядел значительно привлекательнее. Теперь же из-за отсутствия других вариантов, вполне вероятно, ей придется искать там работу.

Когда они проезжали через что-то, похожее на город, она снова нахмурилась.

– Это тот самый город? На фотографиях, которые вы прислали, все выглядело совсем иначе.

– Вирджин-Ривер, – сказала старушка. – Уж какой есть. При дневном свете он выглядит намного лучше, поверь мне. Черт подери этот ливень. В марте у нас всегда такая непогода. Вон там дом доктора, где он осматривает пациентов, когда те к нему приходят. Его также часто вызывают на дом. А вот библиотека, – махнула она рукой в сторону. – Работает по вторникам.

Они миновали красивую церковь с башенками, которая, казалось, была заколочена, однако ее Мэл по крайней мере смогла опознать. Был там и магазин, гораздо более старый и обшарпанный, чем на фото; хозяин просто закрыл его

на ночь. Вдоль улицы тянулась дюжина домов – маленьких и ветхих на вид.

– А где школа? – спросил Мэл.

– Какая школа? – переспросила миссис Мак-Кри.

– Та, что была на фотографии, которую вы отправили рекрутеру.

– Хм. Даже не представляю, где я могла ее взять. У нас нет школы. По крайней мере пока.

– О боже, – простонала Мэл.

Улица была широкой, но темной и пустынной – вокруг не было ни одного фонаря. Старушка, должно быть, пролистала один из своих старинных фотоальбомов, чтобы взять оттуда снимки. А, может быть, вообще использовала фотографии с видами какого-то другого города.

Завернув через дорогу от дома врача, миссис Мак-Кри подъехала к зданию, похожему на большую хижину с широким крыльцом и просторным двором, однако неоновая вывеска в окне с надписью «Открыто» подсказала Мэл, что это таверна или кафе.

– Пойдем, – позвала ее миссис Мак-Кри. – Согреем доброй едой твой желудок и заодно настроение.

– Спасибо, – поблагодарила ее Мэл, стараясь вести себя вежливо. Она проголодалась и не хотела лишиться возможности поужинать, хотя сомневалась, что это согреет что-то еще, кроме ее желудка. Она посмотрела на часы: семь вечера.

Перед тем как войти, миссис Мак-Кри хорошенько встряхнула на крыльце свой дождевик, но у Мэл плаща не было. И зонтика тоже. Ее пальто промокло, и теперь от нее пахло мокрой овцой.

Зайдя внутрь, она оказалась приятно удивлена. В помещении царил приятный полумрак, стены бил обшиты деревом, а в большом каменном очаге горел огонь. Полированные деревянные полы блистали чистотой, а в воздухе пахло чем-то вкусным и съедобным. Над длинной стойкой бара, поверх рядов расставленных на полках бутылок с алкоголем, висела огромная рыбина; на другой стене красовалась настолько большая медвежья шкура, что закрывала добрую ее половину. Над дверью была приколочена голова оленя. Ух ты! Охотничий домик? Там стояло около дюжины столиков без скатертей, но в этот час в баре сидел только один посетитель: тот самый старик, что вытащил ее из грязи, склонился над своим бокалом.

За стойкой стоял высокий мужчина в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и протирал стекло полотенцем. На вид ему было под сорок, его каштановые волосы были коротко подстрижены. Когда они вошли, он выразительно вскинул брови, приподняв подбородок. Затем его губы изогнулись в улыбке.

– Присаживайся здесь, – сказала Хоуп Мак-Кри, указывая на столик рядом с камином. – Я тебе кое-что принесу.

Мэл сняла свое пальто и повесила его на спинку стула

возле камина, чтобы оно просушилось. Она сама согрелась, энергично потирая перед огнем заledenевшие руки. Это превзошло ее ожидания – уютный, чистый дом, пылающий камин, готовая еда на плите. Можно было бы обойтись без мертвых животных на стенах, но раз уж ты оказываешься в охотничьей глубинке, с этим приходится мириться.

– Вот, – сказала старуха, сжимая в руке небольшой стаканчик с какой-то янтарной жидкостью. – Это тебя согреет. У Джека на плите тушится мясо, а в печи выпекается хлеб. Мы приведем тебя в порядок.

– Что это? – уточнила Мэл.

– Бренди. Ты сможешь его выпить?

– Черт возьми, легко, – сказала она благодарно, делая глоток и чувствуя, как жидкость обжигает ее пустой желудок. На мгновение она позволила себе прикрыть глаза, оценив неожиданно приятный вкус напитка. Когда она снова бросила взгляд на барную стойку, бармен куда-то исчез.

– Этот парень, – наконец произнесла она, указывая на единственного посетителя. – Он вытащил меня из канавы.

– Док Маллинз, – объяснила старушка. – Ты можешь пообщаться с ним прямо сейчас, если не против отойти от камина.

– А какой смысл? – воспротивилась Мэл. – Я ведь уже сказала – я тут не останусь.

– Хорошо, – устало согласилась миссис Мак-Кри. – Тогда ты можешь просто поздороваться с ним и сразу попрощать-

ся. Ну, давай же.

Развернувшись, она двинулась через зал к старому доктору. Тяжко вздохнув, Мэл последовала за ней.

– Док, это Мелинда Монро, на случай, если вы раньше не слышали это имя. Мисс Монро, познакомьтесь с Доком Маллинзом.

Подняв слезящиеся глаза от своего стакана, не отнимая, впрочем, от него артритных рук, старик взглянул на нее. Затем молча кивнул.

– Еще раз спасибо, – сказала Мэл. – За то, что вытащили меня.

Старый доктор еще раз кивнул, снова опустив взгляд на свой напиток.

Вот вам и дружелюбная деревенская атмосфера, подумала Мэл. Миссис Мак-Кри в это время уже возвращалась к камину. Дойдя до него, она плюхнулась за их столик.

– Простите, – еще раз обратилась Мэл к доктору. Он снова обратил к ней свой взгляд, но его густые белые брови сошлись поверх очков в отчетливо недовольной гримасе. Белые волосы на веснушчатой коже, обтягивающей его череп, были такими тонкими, что казалось, будто на лбу у него больше волос, чем на голове.

– Приятно познакомиться. Значит, вам здесь требуется помощь?

Он продолжал молча изучать ее своим взглядом.

– Вам не нужна помощь? Да или нет?

– Мне не особо нужна помощь, – грубо бросил он наконец. – Но эта старуха уже много лет пытается найти мне замену. Та, что вас привезла.

– И почему же? – храбро поинтересовалась Мэл.

– Понятия не имею. – Он снова посмотрел в свой стакан. – Может, я ей просто не нравлюсь. Поскольку она мне тоже не очень нравится, то это не имеет значения.

Бармен, предположительно владелец заведения, появился из подсобки с дымящейся тарелкой в руках, но остановился в конце барной стойки, наблюдая, как Мэл разговаривает со старым доктором.

– Ну, не стоит беспокоиться, приятель, – кисло произнесла Мэл, – я не собираюсь тут оставаться. Все оказалось совсем не так, как мне рассказывали. Я уезжаю утром, как только перестанет лить дождь.

– Получается, вы только зря потратили время? – бросил он, по-прежнему не поднимая головы.

– Видимо, да. Плохо уже то, что это место оказалось вовсе не таким, как мне рассказывали. А тут еще выяснилось, что вам не нужны ни практикующий врач, ни акушерка.

– Да уж, – коротко бросил он.

Мэл вздохнула. Оставалось лишь надеяться, что она сможет найти в Колорадо подходящую работу.

Юноша, еще подросток, вынес из кухни набор стаканов. Он выглядел почти так же, как бармен, с коротко стриженными густыми каштановыми волосами, одетый во фланелевую

рубашку и джинсы. «*Приятный парнишка*», – подумала она, глядя на его сильную челюсть, прямой нос и густые брови. Он собирался было поставить стаканы под стойку, но остановился, удивленно глядя на Мэл. Его глаза расширились, рот на секунду приоткрылся. Слегка наклонив голову, она ему улыбнулась. Он медленно закрыл рот, продолжая стоять со стаканами в руках.

Мэл повернулась к подростку с доктором спиной и направилась к столику миссис Мак-Кри. Бармен уже поставил на стол миску вместе с салфеткой и столовыми принадлежностями и остановился, дожидаясь, когда она подойдет. Он придерживал для нее стул. Вблизи она увидела, какой он на самом деле крупный парень – выше шести футов, косая сажень в плечах.

– Неудачная погода для вашей первой ночи в Вирджин-Ривер, – сказал он приятным голосом.

– Мисс Мелинда Монро, это Джек Шеридан. Джек, это мисс Монро.

Сначала Мэл, повинувшись импульсу, хотела ее поправить – сказать, что она уже миссис. Но решила этого не делать, чтобы не объяснять, что мистера Монро больше нет (точнее, доктора Монро). Поэтому она просто сказала:

– Рада познакомиться. – И добавила, принимая тарелку с рагу: – Спасибо.

– Это чудесное место, когда погодка не буйствует, – произнес бармен.

– Не сомневаюсь, – прошептала она, стараясь на него не смотреть.

– Вам нужно провести здесь денек-другой, – продолжал настаивать он.

Она зачерпнула ложкой рагу и осторожно его попробовала. На какое-то мгновение бармен навис над столом, ожидая ее реакции. Затем она подняла на него взгляд и удивленно произнесла:

– Это необыкновенно вкусно.

– Тушеная бельчатина по нашему рецепту.

Она чуть не подавилась.

– Шучу, – улыбнулся он в ответ. – Говядина. Коровка была вскормлена на чистой кукурузе.

– Простите, чувство юмора меня иногда подводит, – бросила она раздраженно. – Это был долгий и довольно тяжелый день.

– А теперь? – осведомился бармен. – Хорошо, что я открыл бутылку «Реми».

Затем мужчина вернулся за стойку, а она продолжила наблюдать за ним через плечо. Казалось, он тихо обменялся несколькими короткими фразами с юношей, который продолжал пристально на нее смотреть. Наверное, это его сын, решила Мэл.

– Не знаю, почему ты так злишься, – произнесла миссис Мак-Кри. – По телефону ты производила совершенно другое впечатление. – Порывшись в сумочке, она вытащила пачку

сигарет, затем вытряхнула оттуда одну и закурила – вот почему у нее был такой скрипучий голос.

– Вам обязательно курить? – желчно спросила ее Мэл.

– К сожалению, да, – ответила миссис Мак-Кри, глубоко затаившись.

Прикусив язык, Мэл лишь разочарованно покачала головой. Все и так уже было решено, она уезжала утром и собиралась отсыпаться в машине, так зачем усугублять ситуацию дальнейшими жалобами? Стоит надеяться, что Мак-Кри к настоящему моменту уже все поняла. Мэл доела восхитительное рагу, глотнула еще бренди и почувствовала себя немного увереннее, теперь, когда в животе ощущалась приятная тяжесть, а голова слегка кружилась. *«Ну вот, – подумала она. – Так-то лучше. Я смогу пережить ночь в этой дыре. Видит бог, бывало и хуже».*

Прошло уже девять месяцев с тех пор, как ее муж Марк зашел в магазин после долгой ночной смены в отделении неотложной помощи. Он хотел купить молока к своим сухим хлопьям на завтрак. Но вместо этого получил три пули в грудь, в упор – мгновенная смерть. Ограбление было в самом разгаре, в том самом магазине, куда они с Мэл заглядывали по меньшей мере три раза в неделю. Это положило конец той жизни, которую она так любила. Ночь в машине под дождем – ничто по сравнению с этим.

Джек подал мисс Монро второй бокал «Реми Мартин», однако от второй порции тушеного мяса она отказалась. Он оставался за стойкой бара, пока она ела и пила, как будто сердито посматривая на невозмутимо курящую Хоуп. Это заставило его мысленно усмехнуться. У девушки есть кое-какой характер. А еще – приятная внешность. Миниатюрная блондинка со сверкающими голубыми глазами, маленьким ртом в форме сердечка и сногсшибательной пятой точкой, обтянутой джинсами. Когда дамы ушли, он обратился к Доку Маллинзу:

– Вот уж спасибо. Вообще-то ты мог бы дать девушке поблажку. С тех пор как прошлой осенью помер старый золотистый ретривер Брэдли, у нас здесь вообще ничего красивого не осталось.

– Хм, – только буркнул в ответ доктор.

Рики зашел за стойку и встал рядом с Джеком.

– Да, – страстно поддержал он своего шефа, – боже мой, Док. Да что с тобой такое? Неужели ты не можешь иногда подумать об остальных?

– Спокойней, парень, – рассмеялся Джек, обхватив его за плечи. – Она не из твоей лиги.

– Да? Но и не из твоей тоже, – усмехнулся Рик.

– Можешь уходить, когда захочешь. Сегодня вечером все равно больше никого не будет, – предложил ему Джек. – И отнеси домой бабушке немного этого рагу.

– Да, спасибо, – ответил парень. – Увидимся завтра.

Когда Рик ушел, Джек навис над Доком и произнес:

– Если бы тебе немного помогали, ты мог бы больше рыбачить.

– Спасибо, мне не нужна помощь, – ответил старик.

– О, вот оно, опять, – улыбнулся Джек. Любое предложение Хоуп сделать так, чтобы Доку немного помогли, встречало с его стороны твердый отпор. Возможно, Док был самым строптивым и упрямым человеком в городе. А еще он был стар, страдал артритом и, казалось, с каждым годом становился все более медлительным.

– Налей мне еще, – попросил доктор.

– Я думал, мы заключили сделку, – нахмурился Джек.

– Тогда полстакана. Этот проклятый ливень меня убивает. Я замерз до мозга костей. – Он взглянул на Джека. – Я вытащил эту маленькую шлюху из канавы, где она торчала в грязи под ледяным дождем.

– Она, как мне кажется, не шлюха, – заметил Джек. – Мне никогда на них не везло.

Затем он взял бутылку бурбона и плеснул старику в стакан выпивки. Но потом вернул бутылку обратно на полку. У него сложилась привычка присматривать за Доком: если того вовремя не остановить, он мог натворить дел. А выходить под ливень, чтобы убедиться, что Док правильно перейдет улицу, у него сейчас не было никакого желания. Дома у Дока не было никаких запасов алкоголя, пил он только у Джека, что позволяло ему держать себя под контролем.

Старика нельзя было винить – он был одинок и перегружен работой. Не говоря уже о боли в суставах.

– Ты мог бы предложить девушке теплое место для сна, – предложил Джек. – Очевидно же, что Хоуп не привела в порядок ту старую хибару к ее приезду.

– Я не люблю компанию чужих людей, – мрачно ответил старик. Затем Док посмотрел Джеку прямо в лицо. – Во всяком случае, кажется, ты в этом заинтересован больше меня.

– Не похоже, чтобы она сейчас кому-нибудь здесь доверяла, – сказал Джек. – Хотя она симпатичная штучка, а?

– Я как-то особо не заметил, – пожал плечами старик. Затем сделал глоток и продолжил: – В любом случае, похоже, у нее не хватит сил для этой работы.

– Прямо-таки не заметил? – рассмеялся Джек. Зато сам-то он заметил. Росту в ней было, наверное, около 160 сантиметров. Вес не больше пятидесяти килограмм. Мягкие, вьющиеся светлые волосы, что от влаги завиваются еще сильнее. Большие глаза, в которых грусть могла мгновенно смениться злостью. Ему понравилась та маленькая искра, промелькнувшая в них, когда она огрызнулась, что не оценила его чувство юмора. А когда она взялась обрабатывать Дока, в них загорелся свет, свидетельствовавший о том, что она прекрасно может со всем справиться. Но лучше всего был ее рот – маленький и розовый, в форме сердечка. Или задница – уж кому что милее.

– Да, – продолжил Джек. – Ты мог бы перестать артачиться

и вести себя немного дружелюбнее. Чтобы было кому украсить местный пейзаж.

Глава 2



К тому моменту, как Мэл и миссис Мак-Кри вернулись в лачугу, она уже успела прогреться. Правда, чище выглядеть от этого не стала. Мэл передернуло от вида грязи, на что миссис Мак-Кри бросила:

– Я и представить не могла, когда мы общались по телефону, что ты такая чистоплюйка.

– Я не чистоплюйка. Родильное отделение в большой больнице вроде той, где мне довелось работать, выглядит весьма неприглядно, – ответила Мэл.

Было удивительно, что в той хаотичной и в чем-то даже ужасной обстановке она чувствовала себя лучше, чем в этой, гораздо более спокойной. Вероятно, то была некая форма самообмана, которая заставляла ее принимать фальшивую картину за чистую монету. И еще осознание того факта, что, как бы тяжело ни шли дела в больнице, у нее есть уютный и чистый дом, куда она всегда может вернуться.

Хоуп оставила ей подушки, пледы, стеганные одеяла и полотенца, поэтому Мэл решила, что лучше смириться с грязью, чем с холодом. Прихватив из машины лишь один чемодан, она надела спортивный костюм, теплые носки и обустроила себе для ночлега пыльный старый диван. Продавленный и испещренный пятнами матрас кровати выглядел слишком устрашающе.

Она завернулась в несколько слоев одеял, словно буррито, и съежилась на мягких, отдающих затхлостью подушках. Свет в ванной остался включенным, а дверь приоткрытой –

на случай, если ей придется вставать ночью. Но благодаря двум порциям бренди, долгой поездке и испытанному стрессу от неоправдавшихся ожиданий она погрузилась в глубокий сон, и на этот раз ее не беспокоили ни тревоги, ни кошмары. Мягкий перестук дождя по крыше был подобен колыбельной, постепенно ее убаюкивая. Когда на лицо упали тусклые лучи утреннего света, Мэл проснулась и обнаружила, что за ночь ни разу не пошевелилась; так и пролежала все время спеленутая и неподвижная. А теперь чувствовала себя отдохнувшей и со свежей головой.

Это было редкое для нее ощущение.

Не вполне доверяя своим чувствам, Мэл еще продолжала какое-то время лежать на диване. *«Мда, – подумалось ей, – хотя с учетом всех обстоятельств это кажется невозможным, но я на удивление хорошо себя чувствую»*. Затем перед ее глазами возникло лицо Марка, и она подумала: *«А чего ты ждала? Сама во все это вляпалась!»*.

Тут же ей в голову пришла следующая мысль: *«От горя все равно никуда не скрыться. Так зачем пытаться?»*.

Когда-то давно она чувствовала себя такой же довольной жизнью, особенно по утрам. У Мэл был странный и забавный дар – в ее голове звучала музыка. Каждое утро первым, что она замечала, была песня, звучащая чисто и отчетливо, словно в комнате работало радио. Всякий раз это была новая песня. Днем Мэл не смогла бы сыграть ни на одном музыкальном инструменте и удержать в голове какую-нибудь

простенькую мелодию, но каждое утро она просыпалась, напевая очередную мелодию. Проснувшись от ее бессвязных напевов, Марк приподнимался на локте, склонялся над ней, улыбаясь, и ждал, пока ее глаза откроются. Он тогда спрашивал: «Что у нас сегодня в репертуаре?».

– Begin the Beguine⁹, – отвечала она. – Или Deep Purple.

А он долго смеялся, не в силах остановиться.

После его смерти музыка в ее голове замолчала раз и навсегда.

Она села, закутавшись в одеяла, утренний свет только подчеркивал скопившуюся в хижине грязь. Птичьи трели заставили ее подняться на ноги и подойти к входной двери.

Мэл открыла ее, окунувшись в ясное и солнечное утреннее марево. Выйдя на крыльцо, все еще закутанная в одеяло, она посмотрела вверх – пандероза,¹⁰ сосны и ели казались в дневном свете настоящими великанами, вздымаясь над хижинкой на пятьдесят-шестьдесят футов, а некоторые и значительно выше. С них все еще срывались капли омывшего их за ночь дождя. С веток свисали зеленые сосновые шишки – настолько большие, что если одна такая шишка упадет вам на голову, то легко можно получить сотрясение мозга. Внизу цвел густой, пышный зеленый папорот-

⁹ Популярная песня, написанная Коулом Портером в 1935 г. для мюзикла Jubilee.

¹⁰ Пандероза – гибридное цитрусовое растение, полученное путем скрещивания лимона, цитрона и грейпфрута.

ник – она насчитала четыре разных видов этого растения, от тех, что могли похвастаться широким разветвленным веером, до тонких, словно кружево, экземпляров. Все вокруг дышало свежестью и здоровьем. Птицы пели и перепрыгивали с одной ветки на другую, а над ней раскинулось лазурно-синего цвета небо, подобного которому она не видела в Лос-Анджелесе уже лет десять. В вышине бесцельно парило перистое белое облачко, над головой Мэл, широко раскинув крылья, пролетел орел и скрылся за кромкой деревьев.

Мэл глубоко вдохнула свежий, напоенный ароматами весны, утренний воздух. *«Да, – подумалось ей, – жаль, что с коттеджиком, уютным городком и стариком-доктором не выгорело, потому что сами края тут чудесные. Нетронутые. Чистые».*

Неожиданно она услышала какой-то треск и нахмурилась. Безо всякого предупреждения провисшая сторона крыльца окончательно сдалась и резко накренилась, отчего ее ноги подкосились, и Мэл полетела вниз. Прямоком в глубокую, хлюпающую, грязную яму. Там она и осталась лежать: чумазое, промокшее, заледеневшее от холода, завернутое в одеяло буррито.

– Твою мать! – выругалась она, выпутываясь из одеяла, чтобы заползти обратно на крыльцо, правым концом все еще цепляющееся за стену дома. А затем проскользнуть внутрь.

Она собрала свой чемодан. Все, хватит.

По крайней мере, дорога теперь подсохла, и благодаря

дневному свету она будет застрахована от того, чтобы съехать на обочину и утонуть там с концами. Подумав, что без кофе ей далеко не уехать, она направилась обратно в город, хотя инстинкт подсказывал бежать отсюда, спасая свою жизнь, и купить кофе где-нибудь по дороге. Она не особо тешила себя надеждой, что рано утром бар окажется открытым, но других вариантов не имелось. Мэл настолько отчаялась, что готова была даже постучаться в дверь к старому доктору и попросить у него чашечку кофе, хотя перспектива снова нарваться на его кислую гримасу не сильно воодушевляла. Но его дом выглядел закупоренным наглухо. Казалось, что в заведении Джека и магазине напротив ничего не происходит, однако когда она, изнемогая от нехватки кофеина, толкнула дверь в бар, к ее удивлению, та распахнулась.

Внутри по-прежнему горело уютное пламя в камине. Зал, хоть и более светлый, чем накануне вечером, производил такое же приятное впечатление. Он был большой и комфортный – даже с учетом трофеев в виде голов животных на стенах. Но затем она замерла, пораженная, увидев огромного лысого мужчину с блестящей серьгой в ухе, вышедшего ей навстречу из-за стойки бара. На нем красовалась черная футболка, туго обтягивавшая массивную грудь, а на руке из-под плотно прилегающего рукава выглядывал край большой синей татуировки. Если бы она не потеряла дар речи при виде огромных размеров мужчины, то точно сделала бы это из-за неприветливого выражения лица. Его густые темные

брови нахмурились, когда он облокотился обеими руками на стойку бара.

– Я могу вам чем-то помочь? – осведомился он.

– Эм... Можно кофе? – выдавила из себя Мэл.

Повернувшись, мужчина взял кружку, поставил ее на стойку и налил из кофейника кофе. Сначала Мэл думала схватить ее и убежать за какой-нибудь из столов, но мужчина ей откровенно не понравился, поэтому, чтобы лишний раз его не оскорблять, она подошла к стойке и села на стул рядом с ожидающим ее кофе.

– Спасибо, – коротко поблагодарила она.

Вместо ответа он молча кивнул и, слегка отступив назад от барной стойки, прислонился к прилавку позади него, скрестив на груди огромные руки. Всем своим видом он напоминал ей вышибалу из ночного клуба или телохранителя. Эдакий высокомерный Джесси Вентура¹¹.

Она сделала глоток крепкого горячего напитка. Любовь к большим чашкам кофе превосходила для нее все иные радости в жизни, поэтому Мэл с наслаждением выдохнула:

– Ах, до чего же вкусно!

Великан никак на это не отреагировал. «Ну и ладно», – подумала она. Все равно ей не хотелось заводить с ним беседу.

Несколько минут прошло в странном, почти дружелюб-

¹¹ Джеймс Джордж Янош (псевдоним Джесси Вентура, 1951 г. рождения) – бывший губернатор Миннесоты, политик, актер, в прошлом боец рестлинга. Отличается внушительными размерами (рост 1 м 93 см).

ном молчании, когда открылась боковая дверь бара, и внутрь вошел Джек, неся в руках охапку дров. Увидев ее, он усмехнулся, обнажив два ряда ровных белых зубов. От груза поленьев его бицепсы отчетливо напряглись под синей джинсовой рубашкой, широкие плечи лишь подчеркивали узкую талию. Из-под расстегнутого на груди воротника торчали светло-русые волосы, а чисто выбритое лицо заставило ее вспомнить, что накануне вечером его щеки и подбородок были покрыты дневной щетиной.

– Ну, что ж, – произнес Джек, – доброе утро.

Он поднес дрова к очагу, нагнувшись, чтобы сложить их в стопку, и Мэл не могла не оценить его широкую мускулистую спину и идеальный зад. Да, мужчины здесь прекрасно поддерживают себя в форме, просто преодолевая обычные тяготы сельской жизни.

Лысый великан поднял было кофейник, чтобы еще раз наполнить ее чашку, когда Джек остановил его:

– Я сам это сделаю, Проповедник.

Джек зашел за стойку, а Проповедник отправился через дверь на кухню. Джек наполнил ее чашку.

– Проповедник? – спросила она, понизив голос практически до шепота.

– На самом деле его зовут Джон Миддлтон, но это прозвище прилипло к нему давным-давно. Если бы вы называли его Джоном, он бы даже не повернулся.

– Почему вы его так называете? – заинтересовалась она.

– Ну, он довольно прямолинеен. Никогда не ругается, никто ни разу не видел его пьяным, не пристаёт к женщинам.

– Выглядит он немного устрашающе, – сказала Мэл, по-прежнему не повышая голос.

– Не-а. Он добрый, как теленок, – хмыкнул Джек. – Как прошёл ваш вечер?

– Сносно, – сказала она, пожав плечами. – Я просто решила, что не могу уехать из города, не выпив чашечки кофе.

– Вы, должны быть, готовы убить Хоуп. Она даже кофе вам не оставила?

– Боюсь, что да.

– Мне очень жаль, мисс Монро. Вы достойны гораздо более теплого приема. Я не виню вас за то, что вы сейчас плохо относитесь к этому месту. Как насчёт яичницы? – Джек кивнул в сторону скрывшегося на кухне Проповедника. – Он хороший повар.

– Не откажусь, – согласилась Мэл. Она почувствовала странное ощущение улыбки на своих губах. – И ещё: меня можно звать Мэл.

– Сокращенно от Мелинда, как я понимаю, – уточнил Джек. Затем прокричал через дверь кухни: – Проповедник! Как насчёт завтрака для леди? – Снова развернувшись к стойке, он продолжил: – Что ж, самое меньшее, что мы можем сделать, – это хорошенько тебя накормить, если не удастся убедить остаться ещё на денек-другой.

– Мне жаль, – ответила она. – Но та лачуга... Там невоз-

можно жить. Миссис Мак-Кри упомянула какую-то женщину, которая должна была там прибраться – вроде бы она запыла? Кажется, она именно это имела в виду.

– Должно быть, это Шерил. Боюсь, с ней есть определенные проблемы. Хоуп следовало бы позвать кого-нибудь другого. Здесь полно женщин, которые рады немного подзаработать.

– Что ж, теперь это не имеет значения, – сказала Мэл, сделав еще глоток кофе. – Джек, это лучший кофе, который я когда-либо пробовала. Либо это действительно так, либо последние два дня у меня настолько не задались, что я теперь легко впечатляюсь даже такими приятными мелочами.

– Нет, он действительно отличный. – Джек нахмурился и протянул руку, убрав прядь волос с ее плеча. – Мне кажется или у тебя грязь в волосах?

– Видимо, не кажется, – хмыкнула она. – Я стояла на крыльце, наслаждаясь красотой прекрасного весеннего утра, когда один его край подкосился, и я улетела напрямик в большую лужу с грязью. Попробовать принять душ мне смелости не хватило – он там зарос мхом. Но я думала, что все с себя счистила.

– О боже, – выдохнул он и, к ее удивлению, громко расхохотался. – Это, наверное, худший день в твоей жизни? Если хочешь, у меня в квартире есть душ – чистый, как вода Ниагары. – Он снова усмехнулся. – Полотенца даже пахнут «Ленором».

– Спасибо, но думаю, я просто поеду дальше. Когда буду подъезжать к побережью, сниму номер в отеле, тихом, теплом и чистом, и отдохну вечером. Может, возьму какой-нибудь фильм напрокат.

– Звучит неплохо, – согласился он. – Значит, обратно в Лос-Анджелес?

– Нет, – пожала Мэл плечами. Она не могла этого сделать. Всё, и больница, и дом, с одной стороны, вызывало в ней сладкие воспоминания, а с другой – снова выталкивало на поверхность ее горе. Она просто не смогла бы жить, оставаясь в Лос-Анджелесе. Кроме того, теперь ее там ничего не держало.

– Настало время перемен. Но именно эта перемена оказалась для меня слишком серьезной. Скажи, ты прожил здесь всю жизнь?

– Я? Нет. Лишь малую часть. Я вырос в Сакраменто. Просто искал хорошее место для рыбалки, вот и остался здесь. Превратил эту хибару в гриль-бар и сделал пристройку к зданию, чтобы в ней жить. Маленькую, но удобную. А у Проповедника есть комната наверху, над кухней.

– Что, черт возьми, побудило тебя остаться? Не пойми неправильно, я не пытаюсь тебя переубедить – просто, похоже, городок здесь совсем маленький.

– Если бы у тебя было время, я бы показал. Это невероятное место. В городке и его окрестностях проживает больше шестисот человек. У массы людей, которые живут в больших

городах, здесь имеются коттеджи, вверх и вниз по течению реки Вирджин – тут тихо, и рыбалка отличная. У нас не так много туристов из города, но рыбаки навещают сюда регулярно, а в сезон приезжают охотники. Проповедник известен своими кулинарными талантами, и это единственное место в городе, где можно выпить пива. Прямо рядом с нами леса из секвой – поверь мне, это круто. Величественное зрелище. По национальным паркам все лето болтается множество туристов и любителей походов. А какие здесь небо и воздух – ничего подобного в городе просто не найти.

– А твой сын работает вместе с тобой?

– Сын? Ой, – засмеялся он, – Рики? Это местный парнишка. После школы он большую часть времени работает в баре. Хороший парень.

– У тебя есть семья? – поинтересовалась Мэл.

– Сестры и племянницы в Сакраменто. Мой отец продолжает там жить, но мама умерла несколько лет назад.

Проповедник вышел из кухни с дымящейся тарелкой, накрытой салфеткой. Когда он поставил ее перед Мэл, Джек потянулся к стойке и достал оттуда столовые приборы и бумажные салфетки. На тарелке оказались восхитительный омлет с сыром и перцем, сосиски, фрукты, домашний картофель фри и хлебные тосты. Тут же появилась ледяная вода, и ей налили еще кофе.

Мэл зацепила кусок омлета и поднесла ко рту. Он просто таял на языке, такой сытный и вкусный. – М-м-м, – про-

мычала она, прикрыв глаза. Затем, проглотив кусок, призналась: – Я ела здесь уже дважды, и должна сказать, что ваша стряпня – одна из лучших, что мне доводилось пробовать.

– Ну, мы с Проповедником иногда можем приготовить что-нибудь вкусное. У него вообще настоящий дар. А ведь он никогда не работал поваром, пока сюда не добрался.

Она проглотила еще один кусок. Очевидно, Джек не собирался никуда уходить, наблюдая за тем, как гостя поглощает омлет.

– Хорошо, – продолжила Мэл, – а что это за история с доктором и миссис Мак-Кри?

– Что ж, давай посмотрим, – сказал он, опершись спиной на прилавок за барной стойкой и широко раскинув свои большие руки. – Они склонны ссориться. Два самоуверенных и упрямых пенсионера, которые ни о чем не могут договориться. Дело в том, что, как мне кажется, Доку может понадобиться помощь, но, как ты уже догадалась, он слегка своенравный.

Она утвердительно фыркнула, поскольку ее рот был набит чудеснейшим омлетом из всех, которые ей доводилось пробовать.

– Особенность этого городка в том, что иногда выдаются дни, когда вообще никому не нужна медицинская помощь. А потом несколько недель подряд всем будет позарез нужно увидеть Дока: грипп начнет лютовать, в то же время сразу трем женщинам приспичит родить, а заодно кто-то упадет

с лошади или сверзится с крыши. Такие вот дела. И хотя он не хочет этого признавать, но ему уже стукнуло семьдесят. – Джек пожал плечами. – Еще один доктор живет по крайней мере в получасе езды отсюда, а для жителей ферм и ранчо такая поездка займет больше часа. До больницы ехать еще дальше. Мы должны подумать о том, что будет, когда Док умрет... Правда, я надеюсь, это произойдет нескоро.

Мэл проглотила омлет и отпила немного воды.

– Почему именно миссис Мак-Кри взялась за эту проблему? – решила она уточнить. – Неужели она действительно пытается, как он утверждает, его заменить?

– Не-а. Но в силу его возраста, я думаю, Доку пора найти какого-нибудь протезе. Муж Хоуп оставил ей достаточное наследство, чтобы она чувствовала себя вполне комфортно – как я понимаю, она уже давно овдовела. И, кажется, делает все возможное, чтобы сохранить этот город. Еще она ищет проповедника, городского полицейского и школьного учителя с первого по восьмой класс, чтобы малышам не приходилось ездить на автобусе в школу через два поселка. Впрочем, пока без особого успеха.

– Доктор Маллинз, кажется, не ценит ее старания, – заметила Мэл, промокнув губы салфеткой.

– Он защищает свою территорию. И совсем не готов уходить на пенсию. Может быть, Док волнуется, что появится кто-то и превзойдет его, оставив не у дел. Человек вроде него, который никогда не был женат и всю жизнь посвятил

служению городу, не обрадовался бы такому ходу событий. Но... понимаешь... Несколько лет назад, как раз незадолго до моего приезда, произошел один случай. Он получил два вызова одновременно. Грузовик съехал с дороги, водитель был тяжело ранен, и еще ребенок, у которого грипп перешел в пневмонию, перестал дышать. Док остановил кровотечение у водителя грузовика, но к тому времени, когда он переправился через реку к ребенку, было уже слишком поздно.

– Боже, – сказала она, – такие вещи оставляют серьезные душевные раны.

– Я не думаю, что кто-то винил его за это. В свое время он спас немало жизней. Но ощущение, что тебе есть к кому обратиться за помощью, придает сил. – Джек улыбнулся. – Ты первая, кто сюда доехал.

– Хм-м... – Не зная, что ответить, она допила остатки кофе. В этот момент за ее спиной хлопнула входная дверь, и в бар вошли двое мужчин.

– Харви. Рон, – коротко поприветствовал их Джек. Мужчины поздоровались в ответ и сели за столик у окна. Джек снова перевел взгляд на Мэл.

– Что заставило тебя сюда приехать?

– Профессиональное выгорание, – сказала она. – Мне надоело по-дружески общаться с копами и детективами по расследованию убийств.

– Господи, кем ты работала?

– Ты когда-нибудь был на войне? – спросила она вместо

ответа.

– Было дело, – кивнул он.

– Больницы и травмпункты больших городов похожи на места боевых действий. Я несколько лет после аспирантуры проработала в отделении неотложной помощи в центре Лос-Анджелеса, чтобы стать практикующей семейной медсестрой, и случались такие дни, когда это было похоже на горячую точку. Уголовники, которых доставили в неотложку, поскольку они получили травмы во время ареста – настолько неуправляемые и буйные, что их приходилось удерживать трем-четырем полицейским, пока одна из медсестер пыталась поставить капельницу. Наркоманы, настолько накачанные всякой дрянью, что их не могли остановить даже тремя выстрелами из офицерского электрошокера, не говоря уже о дозе «Наркана»¹². Каждый день поступали новые жертвы насильственных преступлений, и учитывая, что это был самый большой травматологический центр в Лос-Анджелесе, пострадавшие от самых чудовищных видов ОР и АА... Ой, извини. От огнестрельных ранений и автомобильных аварий. А еще всякие психбольные без присмотра и медикаментозной помощи, которым некуда идти... Не пойми меня неправильно, мы там неплохо поработали. Это была отличная работа. Я очень горжусь тем, что мы делали. Возможно, там работают лучшие специалисты в Америке.

¹² «Наркан» (он же «Налоксон») – антагонист опиоидных рецепторов, применяется как антидот при передозировках опиоидов, в первую очередь героина.

На секунду она погрузилась в свои мысли, ее взгляд затуманился. Окружающая обстановка казалась ей тогда дикой и хаотичной, однако, пока Мэл работала вместе с любимым мужем, ей это нравилось и приносило удовлетворение. Покачивав головой, она продолжила:

– Когда я перешла из неотложки в родильное отделение, выяснилось: это именно то, что я всегда искала. Беременность и родовспоможение. Согласно своей специализации, я пошла работать в акушерство. Оно оказалось моим истинным призванием, хотя и не всегда приятным. – Она грустно засмеялась и покачала головой. – Мою первую пациентку доставили под конвоем полиции, и мне пришлось драться с ними, как бульдогу, чтобы заставить снять с нее наручники. Эти дуболомы хотели, чтобы я помогла ей с родами, пока она сама будет прикована наручниками к кровати.

– Ну, что ж, тебе повезло, – улыбнулся Джек. – Не думаю, что в этом городе есть хотя бы одни наручники.

– Не скажу, чтобы так случалось каждый день, но частенько. Я несколько лет руководила медсестрами в родильной палате. Меня долго заводили радость от этой работы и чувство непредсказуемости, но, в конце концов, я оказалась в тупике. Мне нравится помогать женщинам, но я больше не могу заниматься медициной в большом городе. Боже, мне нужно слегка расслабиться. Я полностью уничтожена.

– Да, но ты, вероятно, лишаешь себя огромного заряда адреналина, – уточнил он.

– Да, меня обвиняли в том, что я адреналиновая наркоманка. Медсестры скорой помощи частенько мне это высказывали. – Она улыбнулась. – Я пытаюсь бросить курить.

– Ты когда-нибудь жила в маленьком городке? – спросил он, доливая ей кофе.

Она отрицательно покачала головой.

– В самом маленьком городке из тех, в которых мне довелось жить, обитает не менее миллиона человек. Я выросла в Сиэтле и уехала в Южную Калифорнию, чтобы учиться в колледже.

– Маленькие городки бывают просто чудесными. Однако они могут таить собственные драмы. И опасности.

– И какие же? – спросила она, потягивая кофе.

– Наводнения. Пожары. Дикие звери. Браконьеры. Заезжие преступники. Куча народу выращивает травку, но не в Вирджин-Ривер, насколько мне известно. Здесь ее называют «Самопальный Гумбольдт». Эти ребята очень сплоченные и обычно держатся особняком – не хотят привлекать внимание. Но время от времени случаются преступления, связанные с наркотиками. – Он ухмыльнулся. – Но у тебя в большом городе такого никогда не было, верно?

– Хотя я искала перемен в жизни, мне не следовало менять все настолько радикально. Это похоже на остывшую индейку. Возможно, мне не стоит так резко менять обстановку. Для начала, наверное, надо попробовать город с населением в пару сотен тысяч человек и «Старбаксами».

– Ты же не хочешь мне сказать, что в «Старбаксе» делают лучший кофе, чем тот, который ты сейчас пьешь? – намекнул Джек, кивая на ее чашку.

Она коротко рассмеялась.

– Нет, что ты, кофе отличный. – Мэл одарила его теплой улыбкой, решив, что он классный парень. – Я забыла еще упомянуть дороги. Подумать только, я оставила позади ужас лос-анджелесских автострад ради крутых поворотов и склонов этих холмов, от которых сердце замирает... Уф-ф! – Она вздрогнула. – Если бы я и осталась здесь, то только ради твоей стряпни.

Продолжая опираться руками на стойку, он слегка наклонился вперед. Его темно-карие глаза мягко светились под серьезно сдвинутыми бровями.

– Я мог бы очень быстро привести предложенную тебе лачугу в порядок, – предложил он.

– Да, я это уже слышала. – Она протянула ему руку. Когда Джек нежно ее сжал, она ощутила мозоли на его ладони; он был человеком, привыкшим к тяжелой физической работе.

– Спасибо, Джек. Твой бар – это единственное, что мне тут понравилось. – Встав, она попыталась нашарить в кармане бумажник. – Сколько я должна?

– Ничего. Это самое малое, что я мог для тебя сделать.

– Да ладно, Джек, ты ведь никак в этом не был замешан.

– Прекрасно. Значит, я вышлю счет Хоуп.

В этот момент из кухни вышел Проповедник с накрытой

тарелкой, завернутой в полотенце. Он протянул ее Джеку.

– Завтрак для Дока, – пояснил тот. – Я прогуляюсь вместе с тобой.

– Хорошо, – согласилась она.

У ее машины он вновь попробовал ее переубедить:

– Я серьезно. Мне бы хотелось, чтобы ты еще раз все обдумала.

– Извини, Джек. Это просто не для меня.

– Черт. Здесь так мало красивых девушек... Что ж, удачной поездки. – Он слегка сжал ее локоть, удерживая в другой руке накрытую тарелку. Все, о чем она могла думать в этот момент: «Какой же классный парень!». Сочащаяся из темных глаз сексапильность, сильная челюсть, маленькая ямка на подбородке и изящные непринужденные манеры, сигнализировавшие, что он не в курсе, насколько хорош собой. Кто-то должен охмурить его, прежде чем он об этом догадается. Скорее всего, кто-то уже это сделал.

Мэл посмотрела, как он переходит через улицу к дому доктора, а затем села в свою машину. Сделала широкий разворот на безлюдной улице и направилась обратно тем же путем, которым приехала. Проезжая мимо дома Дока, она притормозила. Джек присел на крыльце и во что-то пристально вглядывался. Одной рукой по-прежнему держал накрытую тарелку, а другую поднял, подавая ей знак остановиться. Когда он перевел взгляд на ее машину, на его лице застыл шок. Словно он отказывался верить своим глазам.

Мэл остановилась и вышла из машины.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Нет. – Он встал. – Не могла бы ты подойти на секунду?

Не глуша мотор и оставив дверь машины открытой, она подошла к крыльцу. Напротив входной двери Дока лежала коробка, а Джек застыл рядом с пораженным видом. Мэл присела и заглянула внутрь – там оказался запеленутый извивающийся младенец.

– Господи Иисусе, – только и смогла вымолвить она.

– Не-а, – хмуро бросил Джек. – Не думаю, что тут замешан Иисус.

– Этого ребенка тут не было, когда я сегодня проезжала мимо его дома.

Мэл подняла коробку и попросила Джека припарковать ее машину. Сама она позвонила в дверь доктора, прождав несколько напряженных мгновений, прежде чем тот наконец ей открыл. Док был одет в клетчатый фланелевый халат, кое-как завязанный на его внушительном животе и едва прикрывавший ночную рубашку, снизу торчали тощие ноги.

– А, это ты. Не понимаешь, когда стоит остановиться, да? Принесла мне завтрак?

– Кое-что посерьезней, чем завтрак, – резко ответила она. – Вот это оставили у вас на пороге. Есть идея, кто мог это сделать?

Он потянул за одеяло и увидел ребенка.

– Это же новорожденный, – выдохнул он. – Ему, наверное,

всего несколько часов. Ну-ка занеси его. Он, часом, не твой?

– Ой, ладно вам, – сказала Мэл с раздражением, поскольку доктор даже не заметил, что она не только слишком худая, но и чересчур активна для только что родившей женщины. – Поверьте, если бы он был моим, я бы его здесь не оставила.

С этими словами она прошла мимо него в дом. Правда, внутри обнаружилось, что это не столько дом, сколько клиника: справа от нее находилась комната ожидания, а слева – приемная с компьютером и шкафом для хранения картотеки. Она прошла дальше, положившись на свое чутье, и вскоре свернула в смотровой кабинет. В этот момент ее единственной заботой было убедиться, что ребенок не болен и не нуждается в неотложной медицинской помощи.

Мэл поставила коробку на стол для осмотра, сбросила пальто и вымыла руки. На стойке обнаружился стетоскоп, поэтому она быстро отыскала вату и медицинский спирт. Им она протерла наушники стетоскопа – ее собственный инструмент остался в машине вместе с личными вещами. Затем Мэл прислушалась к сердцу ребенка. Дальнейший осмотр показал, что это маленькая девочка с перевязанной шнурком пуповиной. Мягко и осторожно она вынула малышку из коробки и, немного поворковав с ней, положила на детские весы.

К этому моменту в кабинет зашел Док.

– Шесть фунтов девять унций, – сообщила она ему. – Родилась в срок. Сердцебиение и дыхание в норме. Цвет кожи

хороший. – В этот момент ребенок заплакал. – У него сильные легкие. Кто-то избавился от совершенно здорового ребенка. Вы должны немедленно связаться со службой соцзащиты.

Док коротко рассмеялся, когда позади него появился Джек и заглянул в комнату.

– Ага, я уверен, что они примчатся сломя голову, как же.

– Но что вы собираетесь делать? – удивилась Мэл.

– Попробую поискать у себя упаковку детского питания, – спокойно ответил он. – Младенец кричит так, будто проголодался. – Развернувшись, старик вышел из смотровой.

– Да ради бога, – выдохнула Мэл. Она заново перепеленала ребенка и взяла на руки, принявшись укачивать.

– Не будь с ним слишком сурова, – вмешался Джек. – Это не Лос-Анджелес. Мы не звоним в социальные службы, и никто к нам по первому звонку не приезжает. Мы тут вроде как сами по себе.

– А как насчет полиции? – спросила Мэл.

– Своей полиции у нас нет. Но есть очень хорошее управление шерифа округа, – сказал он. – Правда, бьюсь об заклад, это не совсем то, что тебе нужно.

– Почему же?

– Если не совершено серьезного преступления, они, вероятно, не станут особо торопиться, – пояснил Джек. – У них своих дел по горло. Помощник шерифа может приехать, написать отчет и позвонить в социальную службу – а те ответят

лишь тогда, когда не будут перегружены работой, поскольку зарплата у них не ахти какая. Максимум он попробует попросить социального работника или приемную семью взять на себя эту небольшую... — немного замявшись, он прочистил горло, — проблему.

— Боже, — недовольно произнесла Мэл, — только не называй ее проблемой. — Она раздраженно принялась открывать дверцы шкафа. — Где здесь кухня?

— Там, — ответил он, указывая налево.

— Найди мне полотенца, — попросила его Мэл. — Желательно помягче.

— Что ты собираешься делать?

— Я хочу ее помыть, — сообщила Мэл и вышла из смотровой с младенцем на руках.

Кухня оказалась большой и чистой. Поскольку Джек снабжал доктора стряпней, тот, вероятно, вообще ей не пользовался. Она бросила подставку для посуды на пол в углу и осторожно положила ребенка на сушилку. Под раковиной нашла чистящее средство, быстро ее протерла и хорошенько вымыла. Затем проверила температуру и наполнила раковину водой, в то время как ребенок, раздраженный донельзя, громко и заливисто плакал. К счастью, на раковине лежал кусок мыла цвета слоновой кости, который Мэл тщательно прополоскала.

Засучив рукава, она взяла маленькое голое тельце на руки и опустила в теплую воду. Крики сразу прекратились.

– Ой, – удивилась она. – Тебе, оказывается, нравится принимать ванну? Чувствуешь себя как дома, да?

Док Маллинз вошел на кухню, уже одетый, с упаковкой детской смеси в руках. За ним с полотенцами в руках вошел Джек.

Мэл осторожно протерла ребенка мылом, смывая родовую грязь теплой водой, которая, как она надеялась, слегка повысила температуру ребенка. – Ее пупку надо уделить немного внимания, – озабоченно диагностировала она. – Есть идеи, кто может быть ее матерью?

– Вообще без понятия, – сказал Док, наливая воду из бутылки в мерную емкость.

– Может, кто-то из тех беременных, которые вам известны? Было бы логично начать с этого.

– Беременные пациентки из Вирджин-Ривер, которые приезжали сюда для родовых осмотров, не стали бы рожать дома. Может быть, кто-то приехал из другого города. Возможно, это одна из моих пациенток, которая родила, не прибегая к медицинской помощи, и это может стать еще одной проблемой. Как мне кажется, вы понимаете, о чем я, – добавил он несколько самодовольно.

– Я знаю, что делаю, – парировала она с не меньшим бахвальством. – Хорошо, каков ваш план?

– Думаю, что буду возиться с пеленками, кормлением и стану в итоге старым сварливым дедом.

– Мне кажется, вы имели в виду – еще более сварливым

дедом.

– Что поделатъ, особого выбора у меня нет, – пожал плечами Док.

– В городе нет женщин, которые могли бы вам помочь?

– Возможно, но только частично. – Док наполнил бутылку и поставил ее в микроволновую печь. – Я справлюсь, не волнуйся. – Затем он несколько рассеянно добавил: – Возможно, я не услышу ее рев по ночам, но она как-нибудь это переживет.

– Вы должны найти дом для этого ребенка, – потребовала Мэл.

– Ты приехала сюда в поисках работы. Почему тогда не предлагаешь помочь?

Глубоко вздохнув, Мэл подняла ребенка из раковины и положила на полотенце, которое держал Джек. Она одобритительно наклонила голову, увидев, как Джек уверенно взял младенца, плотно запеленал и прижал к себе.

– У тебя неплохо получается, – похвалила его Мэл.

– У меня есть племянницы, – напомнил он, прижимая ребенка к своей широкой груди. – Поэтому мне доводилось ухаживать за детьми. Ты собираешься ненадолго остаться? – сменил Джек тему.

– Идея неплохая, но есть проблемы. Мне негде остановиться. Та лачуга не только мне не подходит – она совершенно неприемлема для этого ребенка. Там крыльцо обвалилось, помнишь? А к двери черного хода нет ступенек. Един-

ственный вариант – это буквально вползать внутрь.

– У меня наверху есть комната, – сказал Док. – Если ты останешься и поможешь, тебе за это заплатят. – Затем он посмотрел на нее поверх очков для чтения и строго добавил: – Только не привязывайся к ней. Рано или поздно объявится ее мамаша и захочет вернуть ребенка обратно.

Джек вернулся к себе в бар и принялся звонить с кухонного телефона. На том конце провода ответил хриплый, низкий голос:

– Алло?

– Шерил? Ты уже проснулась?

– Джек? – уточнила женщина. – Это ты?

– Да. Мне нужна помощь. И побыстрее.

– Что случилось, Джек?

– Скажи, миссис Мак-Кри не просила тебя убраться в хижине для медсестры, которая собиралась приехать в город?

– Э-э-э... Ага. Правда, до этого дело так и не дошло. У меня... я думаю, это был грипп.

«Да, и называется он “Смирнов”», – мрачно подумал Джек. Или, что еще более вероятно, «Эверклир»¹³ – по-настоящему злющий, чистейший зерновой спирт крепостью выше 90 градусов. – Сможешь сегодня этим заняться? Я собираюсь отремонтировать там крыльцо, и мне нужно, чтобы кто-то убрался в этой халупе. Я имею в виду, действительно

¹³ «Everclear Grain» – водка крепостью свыше 95 градусов, в 1979 г. попала в Книгу рекордов Гиннеса как самый крепкий алкогольный напиток.

вычистил. Она уже здесь и пока остановилась у Дока, но нужно привести это место в порядок. Согласна?

– Ты собираешься туда подъехать?

– Я пробуду там большую часть дня. Можно было позвонить кому-нибудь еще, но я подумал, что сначала стоит попросить тебя. Только нужно, чтобы ты была трезвой как стеклышко.

– Я трезвая! – с жаром воскликнула Шерил. – Ни в одном глазу.

На этот счет Джека одолевали определенные сомнения. Скорее всего, она возьмет с собой фляжку, чтобы прикладываться время от времени, пока будет заниматься уборкой. Но он решил пойти на риск (немалый, надо признать), поскольку предполагал, что она согласится – и хорошенько постарается, если он ее об этом попросит. Шерил была влюблена в него с тех самых пор, как он появился в этом городке, и постоянно искала любые поводы, чтобы оказаться с ним рядом. Он изо всех сил старался не давать ей ни малейшей надежды. Однако, несмотря на проблемы с алкоголем, она была сильной женщиной и умела хорошенько прибраться, когда брала себя в руки.

– Дверь открыта. Ты начинай, а я подъеду позже. – С этими словами он повесил трубку. Успевший зайти на кухню Проповедник осведомился:

– Нужна помощь, чувак?

– Да, – ответил Джек. – Давай поднапряжемся и починим

ее домишко. Ее еще можно уговорить остаться.

– Ну, если ты этого хочешь.

– Это нужно городу.

– Ага, – хмыкнул Проповедник, – конечно.

Если бы у Мэл была какая-то иная медицинская специализация, она бы спокойно оставила ребенка на попечение старого доктора, села в свою машину и поминай как звали. Но акушер так никогда бы не поступил – она не в силах была отвернуться от брошенного на произвол судьбы младенца. Если уж на то пошло, то Мэл не могла избавиться от чувства глубокого беспокойства за судьбу матери ребенка. Решение было принято за считанные секунды; она не могла оставить малыша под присмотром старого доктора, который не услышит, если девочка ночью будет заливаться плачем. И еще нужно находиться рядом, если мать ребенка обратится за медицинской помощью, поскольку специальностью Мэл был уход за женщинами во время родов и в течение послеродового периода.

Оставшуюся часть дня Мэл занималась тем, что исследовала дом Дока. Запасная комната, которую он ей предоставил, оказалась не просто гостевой – там находились две больничные койки, стойка для капельниц, поднос, прикроватный столик и кислородный баллон. Единственным предметом мебели, на который можно было присесть, оказалось

кресло-качалка, и Мэл была уверена, что оно предназначалось специально для молодой матери и ребенка. Найденного младенца пока что поместили в инкубатор из оргстекла в смотровой комнате на первом этаже.

Дом Дока мог функционировать, как полноценная клиника или даже больница. Гостиная внизу служила залом ожидания, в столовой находилась стойка для регистрации. Еще там были кабинет для осмотров, лечебный кабинет (оба весьма скромных размеров) и кабинет врача. На кухне стоял маленький столик, за которым Док, несомненно, принимал пищу, когда не останавливался у Джека. Кухня представляла собой довольно необычное зрелище: тут располагались автоклав для стерилизации инструментов и запечатая аптечка для хранения наркосодержащих лекарственных препаратов. В холодильнике оказалось несколько наборов крови и плазмы, а также продукты. Запасов крови там было больше, чем еды.

На втором этаже оказалось всего две спальни – ее, с большими койками, и спальня Дока Маллинза. Ее жилище не отличалось особым комфортом, но все равно это было лучше, чем грязная хижина в лесу. Там царили спартанская суровость и простота: паркетный пол, небольшой ковер, грубые простыни с пластиковым наматрасником, который громко шелестел, когда его шевелили. Она уже начала тосковать по своему любимому пуховому одеялу, простыням за четыреста долларов, мягким египетским полотенцам и толстому

плюшевому ковру. Мэл задумалась над тем, что привычные для нее атрибуты комфортной жизни остались позади, однако раньше ей казалось, что это будет полезно, что она готова к серьезным переменам.

Друзья и сестра Мэл пытались отговорить ее от этого поступка, но, к сожалению, им это не удалось. Она с трудом пережила угнетающий опыт раздачи всей одежды и личных вещей Марка. Однако его фотографию, часы, платиновые запонки, которые подарила ему в последний день рождения, и обручальное кольцо она сохранила. Когда появилось предложение о работе в Вирджин-Ривер, Мэл продала всю мебель из их дома, выставив ее на торговую площадку. Предложение о покупке поступило только через три дня, даже несмотря на смехотворные по меркам Лос-Анджелеса цены. Она собрала в дорогу три коробки с «сокровищами»: любимые книги, компакт-диски, фотографии и всякие безделушки. Настольный компьютер она отдала подруге, ноутбук и цифровую камеру оставила себе. Что касается одежды, то Мэл забила ею три чемодана и одну сумку, а остальное раздала. Больше никаких платьев без бретелек для посещения модных благотворительных акций и никаких сексуальных трусиков для тех вечеров, когда Марку не приходилось работать допоздна.

Мэл собиралась начать все сначала, чего бы это ей ни стоило. Назад возвращаться было некуда; она не хотела, чтобы хоть что-то связывало ее с Лос-Анджелесом. Теперь, ко-

гда дела в Вирджин-Ривер пошли не так, как планировалось, Мэл решила задержаться тут на пару дней, чтобы помочь Дoku, а затем отправиться дальше, в Колорадо. *«Что ж, – подумала она, – хорошо будет оказаться рядом с Джоуи, Биллом и их детишками. Я легко могу начать новую жизнь где угодно, в том числе и у них».*

Мэл и Джоуи всегда держались друг за друга. Джоуи была на четыре года старше и вышла замуж за Билла пятнадцать лет назад. Их мать умерла, когда Мэл было всего четыре года – девушка едва могла ее вспомнить. А их отец был значительно старше матери. Он мирно скончался десять лет назад в своем лейзибой-кресле¹⁴, дожив до семидесяти.

Родители Марка были еще в добром здравии, проживая в Лос-Анджелесе, но она никогда не пылала к ним особой любовью. Они всегда относились к ней сдержанно, даже с прохладой. Смерть Марка ненадолго их сблизила, но ей потребовалось всего несколько месяцев, чтобы осознать: за все это время они ни разу ей не позвонили. Она связалась с ними, чтобы проверить, как им удастся справиться со своим горем, но, похоже, эти люди просто позволили себе забыть о ее существовании. Мэл не удивилась, заметив, что совершенно по ним не скучает. Она даже не сообщила им, что уезжает из города.

Правда, у нее там остались прекрасные друзья. Подруги

¹⁴ Лейзибой-кресло – оно же кресло-реклайнер, чья конструкция позволяет приводить спинку и изножье в максимально удобное для сидящего положение.

из школы медсестер и больницы. Они регулярно ей звонили. Вытаскивали ее из дома. Позволяли ей при встречах вспоминать Марка и заливаться слезами. Но спустя некоторое время, хотя Мэл их искренне любила, она начала связывать их с фактом смерти Марка. Жалостливого выражения в их глазах при очередной встрече было достаточно, чтобы пробудить ее боль. Как будто вокруг все свернулось в одну большую и тугую петлю безнадёжности. Она всего лишь страстно хотела начать все сначала. Найти место, где никто не знал, насколько тусклой и бессмысленной стала ее жизнь.

Позднее днем Мэл передала ребенка на попечение Дока, а сама отправилась в душ; она с наслаждением стояла под струями воды, оттирая себя от грязи мочалкой с головы до пят. Вымывшись и просушив волосы, она надела длинную фланелевую ночную рубашку, большие пушистые тапочки, а затем спустилась в кабинет Дока, чтобы забрать младенца и бутылку с детской смесью. Надо было видеть выражение его лица, когда он увидел ее в таком виде. От удивления его глаза округлились, словно блюда.

– Я накормлю ее, убаюкаю и уложу спать, – сообщила она. – Если у вас нет других предложений.

– Всенепременно, – ответил он, передавая ей ребенка.

В своей комнате Мэл, укачивая, кормила девочку. И, конечно же, глаза у нее были на мокром месте.

Никто в этом городе не знал, что она не может иметь детей. Они с Марком пытались найти способ преодолеть эту

проблему. Поскольку на момент свадьбы ей было двадцать восемь, ему тридцать четыре, а до этого они прожили вместе уже два года, им не хотелось ждать. Она не использовала противозачаточные средства, и после года безуспешных попыток забеременеть им пришлось обратиться к специалистам. С Марком, похоже, было все в порядке, однако ей пришлось восстановить трубы и убрать эндометриоз с внешней стороны матки. Но результата это не принесло.

Мэл принимала гормоны и после каждого полового акта стояла на голове. Каждый день она измеряла температуру, чтобы засечь время начала овуляции. Она использовала так много домашних тестов на беременность, что, наверное, стоило купить акции компании-производителя. И все впустую. Они только успели сделать первую попытку экстракорпорального оплодотворения, обошедшуюся в пятнадцать тысяч долларов, когда Марка убили. Где-то в морозилке в Лос-Анджелесе остались на хранении ее оплодотворенные яйцеклетки – если она когда-нибудь дойдет до такой степени отчаяния, чтобы попытаться забеременеть в одиночку.

Одиночество. Это было ключевое слово. Она так сильно хотела ребенка, а теперь держала в руках брошенную кем-то девочку. Красивую девочку с розовой кожей и редкой шапочкой каштановых волос. Это заставляло ее буквально рвать от тоски.

Малышка была сильной и здоровой, с удовольствием ела, от души отрывая. Этой ночью Мэл крепко спала, несмотря

на плач, раздававшийся рядом с ней из постели.

В ту ночь Док Маллинз сидел в своей кровати с книгой на коленях и прислушивался. Так, значит, ее терзает какая-то душевная боль. К тому же отчаянно сильная. И девушка пыталась скрыть это за маской остроумия и сарказма. *«Все совсем не то, чем кажется»*, – подумал он, выключая свет.

Глава 3



Мэл проснулась от звонка будильника на своем сотовом. Сначала она быстро проверила ребенка; девочка просыпалась за ночь лишь пару раз и сейчас безмятежно посапывала. Найдя тапочки, она спустилась вниз, чтобы посмотреть, получится ли приготовить себе кофе. Док Маллинз уже сидел на кухне, одетый для выхода на улицу.

– Собираюсь к Дрисколлам – похоже, у Джинанны приступ астмы. Вот ключ от аптечки. Я написал тут номер своего пейджера – сотовые телефоны здесь ни черта не работают. Если кто-то из пациентов забредет, пока меня не будет, можешь ими заняться.

– Я думала, вы хотели, чтобы я просто исполняла роль няни, – удивилась Мэл.

– Ты же приехала сюда работать, не так ли?

– Вы сами утверждали, что я вам не нужна, – напомнила она.

– Ты тоже сказала, что не хочешь с нами оставаться, однако смотри, как все обернулось. Посмотрим, как ты справишься. – Он надел куртку и поднял свой чемоданчик. Затем смерил ее взглядом, слегка приподняв подбородок и вскинув брови, словно спрашивая: «Договорились?».

– У вас назначены на сегодня какие-то визиты к пациентам?

– Я назначаю выезды только по средам, а в остальное время принимаю у себя. Либо выезжаю на срочные звонки вроде этого.

– Я даже не знаю, сколько денег брать с посетителей, – растерялась Мэл.

– Я тоже, – усмехнулся Док. – Особого значения это не имеет – денег у местных немного, и, черт возьми, крайне редко кто-то из них имеет страховку. Просто веди учет клиентов тщательней, а я потом сам со всем разберусь. В любом случае ты вряд ли справишься. Вид у тебя не самый смысленный.

– Знаете, – оскорбилась Мэл, – мне доводилось работать с разными засранцами, но вы точно претендуете на первое место.

– Я почти это за комплимент, – осклабился Док.

– Это многое объясняет, – устало ответила Мэл. – Между прочим, ночь прошла прекрасно.

Никаких комментариев от старого козла не последовало. Он направился к двери и, прежде чем выйти, взял свою трость.

– Вы хромаете? – спросила Мэл.

– Артрит, – буркнул он в ответ. Затем вытащил из кармана таблетку антацида и сунул в рот. – И изжога. Еще есть вопросы?

– Боже, нет!

– Прекрасно.

Мэл сунула в микроволновку бутылку с детской смесью и поднялась наверх, чтобы одеться. К тому времени, как с этим было закончено, девочка в кровати начала шевелить-

ся. Подняв малышку и прижав ее к груди, Мэл с удивлением для себя обнаружила, что приговаривает:

– Милая Хлоя, девочка моя...

Если бы у них с Марком была девочка, они бы назвали ее Хлоей. Мальчик получил бы имя Адам. Господи, что она делает?!

– Но надо же тебя как-то называть, правда? – тоскливо обратилась она к ребенку.

В тот момент, когда Мэл спускалась вниз с завернутой в пеленки малышкой на руках, входная дверь открылась, и внутрь зашел Джек. В одной руке он удерживал накрытое блюдо, а под мышкой сжимал термос.

– Извини, Джек, но Дока ты упустил.

– Это для тебя. Док остановился возле бара и сказал, что-бы я принес тебе завтрак, мол, ты весьма капризная штучка. Она невольно рассмеялась.

– Это я-то капризная? Он сам та еще заноза в заднице! Как ты с ним миришься?

– Он напоминает мне моего деда. Как прошла ночь? Девочка спит?

– Она прекрасно себя чувствует. Разве что просыпалась пару раз. Я как раз собираюсь ее покормить.

– Давай я покормлю ее из бутылочки, пока ты будешь есть. Кофе ждет.

– Я даже представить себе не могла, что на свете существуют мужчины вроде тебя, – восхитилась Мэл, позволяя

ему проследовать за ней на кухню. Когда Джек поставил тарелку и термос на стол, она передала ему ребенка и проверила, готова ли бутылка со смесью. – Кажется, ты очень ловко обращаешься с новорожденным. Для мужчины. Даже для того, у кого есть племянницы в Сакраменто.

Он просто улыбнулся в ответ, ничего не сказав. Затем она передала ему бутылку и достала две кофейные кружки.

– Ты когда-нибудь был женат? – спросила она, тут же пожалев об этом. Это приведет к тому, что он спросит ее о том же самом.

– Я был женат на морской пехоте, – улыбнулся Джек. – И это была настоящая стерва.

– И сколько лет вы были в браке? – хмыкнула она, наливая кофе.

– Чуть больше двадцати. Когда мы поженились, я был еще совсем юнцом. А ты?

– Я никогда не служила в морской пехоте, – улыбнулась Мэл.

Он усмехнулся в ответ.

– Ты замужем?

Встретиться с ним взглядом и солгать было выше ее сил, поэтому она сделала вид, что увлечена кружкой кофе.

– Я была замужем за своей работой, и это был такой же сучий муженек, как твоя бывшая супруга. – Это была не такая уж и большая ложь. Марк имел обыкновение жаловаться на рабочий график – он был изнуряющим. Он работал

в неотложной медицинской помощи. Когда ему не повезло остановиться у круглосуточного магазина, где совершалось ограбление, он как раз освободился после 36-часовой рабочей смены. От этой мысли Мэл невольно вздрогнула. Она подтолкнула кружку к Джеку.

– Тебе во многих сражениях довелось участвовать? – сменила она тему.

– Да, во многих, – ответил он, умело вставляя бутылочку в рот ребенку. – Сомали, Босния, Афганистан, Ирак. В Ираке бывал дважды.

– Неудивительно, что тебе захотелось просто половить рыбу.

– Двадцать лет в морской пехоте любого превратят в рыбака.

– Ты кажешься слишком молодым, чтобы выходить на пенсию.

– Мне уже сорок. Я решил, что пора уходить, когда поймал пулю в задницу.

– Ой. Ты полностью выздоровел? – спросила она, удивившись тому, как ее щеки вспыхнули от смущения.

Он хитро улыбнулся уголком рта.

– Ямочка осталась. Хочешь посмотреть?

– Спасибо, нет. Что ж, Док оставил меня здесь за главную, а я понятия не имею, чего ожидать. Может, скажешь мне, где тут ближайшая больница – в городе вообще есть скорая помощь?

– Больница в Вэлли, у них есть скорая, но добраться сюда так долго, что Док обычно заводит свой старый пикап и едет сам. Если ты готова рискнуть и располагаешь лишним часом времени, то врачи Грейс-Вэлли могут прислать скорую, но я не видел ее здесь с тех самых пор, как объявился в этом городке. Я слышал, что как-то раз прилетал вертолет за парнем, который чуть не погиб в автокатастрофе. Думаю, сам вертолет навел тогда не меньше шороха, чем авария.

– Боже, я надеюсь, что никому не поплохее, пока он не вернется, – произнесла Мэл и принялась поглощать яичницу. Похоже, это был испанский омлет, и он был не менее восхитителен, чем тот, который ей довелось попробовать накануне.

– М-м-м, – промычала она с удовольствием. – У меня нарисовалась еще одна проблема – здесь вообще нет сотовой связи. Я должна сообщить своей семье, что со мной все в порядке. Ну, более или менее в порядке.

– Сосны очень высокие, а горы слишком крутые. Воспользуйся стационарным телефоном – не беспокойся о счетах за междугороднюю связь. Ты должна поддерживать связь со своими родными. Кто это, кстати?

– Просто старшая замужняя сестра из Колорадо-Спрингс. Они вместе с мужем подняли настоящий коллективный вой по этому поводу – как будто я собиралась в «Корпус мира»¹⁵

¹⁵ «Корпус мира» (англ. Peace Corps) – независимое федеральное агентство США, основано в 1961 г. Организует гуманитарные миссии в бедствующих стра-

или что-то в этом роде. Мне стоило к ним прислушаться.

– Масса людей здесь будут рады, что ты этого не сделала, – попытался успокоить ее Джек.

– Я очень упрямая.

Он понимающе улыбнулся в ответ.

У Мэл мгновенно пронеслось в уме: *«Вот дура. Нельзя давать ему повод. Пусть считает, что я замужем. То, что Марк больше не со мной, не означает, что с ним все конечно»*. Однако было что-то особенное в парне – больше шести футов¹⁶ ростом и весом в двести фунтов¹⁷ крепких мускулов, – который держал новорожденного ребенка так нежно и ловко.

Затем, когда он прижался губами к голове малышки, вдыхая запах ее кожи, ледяная корка вокруг разбитого сердца Мэл начала стремительно таять.

– Я собираюсь сегодня заехать в Эврику¹⁸ за припасами, – сказал он. – Тебе нужно что-нибудь?

– Одноразовые подгузники. Для новорожденных. И поскольку ты тут всех знаешь, можешь поспрашивать, не согласится ли кто-нибудь помочь присматривать за младенцем? На полный рабочий день либо неполный, неважно. Было бы лучше, если бы она жила в семье, а не здесь, со мной и До-

нах.

¹⁶ Шесть футов – 182,3 см.

¹⁷ Двести фунтов – 90 кг.

¹⁸ Эврика (Eureka) – город в Калифорнии, окружной центр.

ком.

— К тому же, — добавил Джек, — ты хочешь отсюда смотреться.

— Я поухаживаю за ребенком пару дней, но не хочу сильно затягивать. Я не могу оставаться здесь, Джек.

— Я опрошу всех, кого знаю, — заверил он ее. И тут же решил, что об этой просьбе можно смело забыть. Потому что, конечно же, никуда она отсюда не уедет.

Крошка Хлоя всего полчаса как заснула после первого приема пищи, когда появился первый за день пациент. Это оказалась пышущая здоровьем, молодая девушка, из фермеров, в комбинезоне, туго натянувшемся на ее внушительном животе; в руках она держала две большие банки с чем-то похожим на консервированную ежевику. Она поставила их на пол прямо за дверью.

— Я слышала, что в городе появилась новая женщина-врач, — осторожно поинтересовалась она.

— Не совсем так, — возразила Мэл. — Я практикующая медсестра.

На лице девушки появилось разочарованное выражение.

— О, — грустно произнесла она, — а я было обрадовалась — так хорошо иметь рядом врача-женщину, когда придет время.

— Время? — уточнила Мэл. — Для родов?

Девушка погладила свой округлившийся живот.

– Думаю, осталось около месяца, но я не очень уверена, – улыбнулась она. На ногах у нее красовались тяжелые рабочие ботинки со шнуровкой, из-под комбинезона выглядывал желтый свитер, а каштановые волосы были собраны в хвост. На вид ей было не больше двадцати. – Это мой первенец.

– Я еще и акушерка, – успокоила ее Мэл, и лицо молодой девушки озарилось улыбкой. – Но должна предупредить – я здесь временно. Планирую уехать, как только... – Тут она задумалась, что сказать. Затем, вместо того чтобы сообщить о ребенке, спросила: – Ты ведь недавно проходила обследование? Артериальное давление, вес и так далее?

– Прошло уже несколько недель, – ответила девушка. – Думаю, мне уже нужно пройти новое.

– Так давай проведем его сейчас, раз уж ты приехала, если я найду необходимые принадлежности, – предложила Мэл. – Как тебя зовут?

– Полли Фишберн.

– Бьюсь об заклад, где-то здесь есть твоя диаграмма, – сказала Мэл, после чего подошла к стойке и начала открывать ящики для документов. Вскоре она нашла нужную диаграмму. Затем Мэл отправилась на поиски лакмуса и других акушерских принадлежностей в кабинет для осмотров.

– Так, Полли, давай уточним еще раз, – сказала она, – когда в последний раз ты была на осмотре у гинеколога?

– Кроме первого осмотра – ни разу, – ответила Полли

и поморщилась. — Я боялась снова к нему идти.

Мэл улыбнулась, подумав о согнутых от артрита пальцах Дока. Для девушки это был явно не самый приятный процесс.

— Хочешь, я тебя осмотрю? Проверим, как у тебя матка сокращается и расширяется? Это позволит тебе избежать в дальнейшем осмотра у Дока. Разденься и накинь на себя этот халатик, а я скоро вернусь.

Мэл быстро проверила, как себя чувствует Хлоя, мирно дремавшая в кровати на кухне, а затем вернулась к своей пациентке. Полли могла похвастаться отличным здоровьем, с нормальной прибавкой в весе, кровяное давление тоже было в норме и...

— О боже, Полли. У ребенка головка уже опустилась вниз.

Мэл встала и слегка надавила на живот девушки, в то время как ее пальцы исследовали шейку матки.

— У тебя матка слегка сократилась и расширилась на пятьдесят процентов. Прямо сейчас у тебя происходят небольшие схватки. Чувствуешь небольшое напряжение? Схватки Брэкстона-Хикса¹⁹. — Она улыбнулась своей пациентке. — Где ты планируешь рожать?

— Здесь... я думаю.

Мэл рассмеялась.

— Если ты планируешь сделать это скоро, то мы станем

¹⁹ Схватки Брэкстона-Хикса — это ложные схватки, которые появляются у некоторых женщин после 20-й недели беременности.

соседями по палате. Я живу наверху.

– Как вы думаете, когда это случится? – спросила Полли.

– Через одну, максимум четыре недели, но это всего лишь предположение, – ответила Мэл.

Она отступила назад и сняла перчатки.

– Вы будете помогать мне при родах? – робко поинтересовалась Полли.

– Буду честна с тобой, Полли, я планирую уехать, как только позволят обстоятельства. Но если все еще буду здесь, когда у тебя начнутся схватки, и если Док будет не против, я с радостью тебе помогу. – Она протянула руку, чтобы помочь Полли сесть. – Одевайся. Увидимся в приемной.

Когда она вышла из смотрового кабинета и вернулась в переднюю часть дома, то обнаружила, что приемная битком забита посетителями.

К концу дня Мэл осмотрела более тридцати пациентов, из которых по крайней мере двадцать восемь зашли просто для того, чтобы взглянуть на «новую женщину-врача». Они пришли навестить ее, порасспрашивать о себе и принести подарки.

Для Мэл это стало огромным сюрпризом; но втайне она радовалась, поскольку именно этого ожидала, когда согласилась на эту работу.

К шести часам Мэл полностью вымоталась, но день нако-

нец-то подошел к концу. Она взяла малышку на руки, нежно ее лаская.

– Вы что-нибудь поели? – спросила она Дока Маллинза.

– Откуда у меня возьмется время поесть во время дня открытых дверей? – огрызнулся он. Впрочем, по мнению Мэл, прозвучало это отнюдь не так саркастично, как хотелось бы самому доктору.

– Не хотите ли немного прогуляться, пока я буду кормить ребенка? Потому что после того, как вы и малышка Хлоя поужинаете, я точно должна подышать свежим воздухом. Нет, даже не так – мне просто необходима смена обстановки. Кроме того, я ничего не ела с самого завтрака.

Док протянул ей свои старые, искривленные артритом руки.

– Хлоя? – осведомился он.

– Ее ведь нужно как-то называть, – пожала плечами Мэл.

– Иди, – сказал он. – Я сам ее покормлю. А потом поищу себе что-нибудь перекусить.

Она с улыбкой передала ему ребенка.

– Я знаю, что вы просто пытаетесь изображать из себя несчастного, но безуспешно, – сказала Мэл. – Но спасибо, мне действительно нужно развеяться хотя бы часик.

Она схватила с вешалки у входной двери свое пальто и вышла в теплую весеннюю ночь. Снаружи, под куполом небес, вдали от смога и суеты городской жизни, сияло как минимум на миллион звезд больше. Она сделала глубокий вдох.

Ей стало интересно, действительно ли человек может привыкнуть к такому воздуху – настолько более чистому, чем лос-анджелесский смог, что легкие, казалось, с трудом с ним справлялись.

У Джека оказалось довольно многолюдно – в отличие от той ненастной ночи, когда она приехала. Две женщины, с которыми она сегодня уже встречалась, сидели там вместе со своими мужьями – Конни и Рон из магазинчика на углу, а также лучшая подруга Конни по имени Джой и ее муж Брюс. Она узнала, что Брюс возит почту, а также при необходимости может доставить любые образцы в лабораторию больницы Вэлли. Они познакомили ее с Кэрри и Фиш Бристолями, а также с Дагом и Сью Карпентерами. У барной стойки зависали двое парней, и еще пара сидела за столиком в криббидж²⁰ – из-за брезентовых курток она приняла их за рыбаков.

Мэл повесила пальто, слегка поправила свитер, чтобы тот не задирался над поясом джинсов, и запрыгнула на барный стул. В тот момент она даже не догадывалась, что на ее лице красуется широкая улыбка. Что ее глаза радостно сияют. Все местные жители сегодня пришли посмотреть на нее, поприветствовать, рассказать о себе и попросить совета. То, что ее посетили столько людей, которые нуждались в ее помощи, – даже те, кто не был болен, – наполняло ее радостью. Воз-

²⁰ Криббидж (он же «криббедж») – популярная в США и Англии карточная игра с двумя участниками.

можно, даже ощущением счастья, если бы она осмелилась об этом подумать.

– Я слышал, у вас сегодня был аншлаг, – произнес Джек, протирая перед ней барную стойку.

– Вы же были закрыты, – удивилась она.

– У меня тут были кое-какие дела, и у Проповедника тоже. Большую часть времени мы открыты, но если что-то происходит, вешаем табличку «Закрыто» и стараемся потом успеть открыться к обеду.

– Если что-то случится? – удивилась Мэл.

– Что-то вроде рыбалки, – уточнил Проповедник, поставив «елочку» для стаканов под стойку, а затем вернулся обратно на кухню. Из подсобки вышел молодой парнишка, Рики, и стал прибираться за столиками. Заметив Мэл, он широко улыбнулся и подошел к стойке, держа в руках поднос с посудой.

– Мисс Монро, вы все еще здесь? Потрясающе, – сказал он и отправился на кухню.

– Он такой милый.

– Постарайся, чтобы парниша этого не услышал, – посоветовал Джек. – У него переходный возраст. Шестнадцать лет не шутка. Чего бы тебе хотелось?

– Знаешь, я не прочь выпить холодного пива, – сказала Мэл. И оно появилось перед ней в мгновение ока. – А что будет на ужин?

– Мясной рулет, – объявил Джек. – И лучшее картофель-

ное пюре, какое тебе доводилось пробовать.

– У вас нет ничего похожего на меню, да?

– Не-а. Мы предлагаем то, что Проповедник настроен сегодня приготовить. Хочешь еще немного посмаковать пиво? Или поужинать побыстрее?

Мэл сделала глоток.

– Дай мне минутку. – Она сделала еще один глоток и довольно выдохнула: – А-а-а-а... – Джек улыбнулся. – Такое ощущение, что сегодня я познакомилась с половиной города.

– Вовсе нет. Но те, кто сегодня приходил, расскажут о тебе остальным. Был среди них хоть один настоящий больной или они просто пришли на тебя поглазеть?

– Была парочка. Знаешь, на самом деле мне можно было сюда не приходить – в доме полно еды. Когда они приходят, то приносят в подарок кучу всякой снеди, и неважно – больны они или нет. Пироги, пирожные, нарезанное мясо, свежий хлеб. Это очень... по-деревенски.

Джек рассмеялся.

– Осторожно, – сказал он. – Мы тебя так к себе накрепко привяжем.

– Тебе не нужна пара банок ягодного варенья? Думаю, это была плата за осмотр.

– Конечно. Проповедник делает лучшие пироги в округе. Есть какие-нибудь новости о матери ребенка?

– Я назвала малышку Хлоей, – призналась она, ожидая, что на глаза навернутся слезы, однако, как ни странно, это-

го не случилось. – Нет. Глухо. Я надеюсь, что роженица нормально себя чувствует.

– С учетом того, что здесь все друг о друге всё знают, если бы где-то обнаружилась больная женщина, молва вышла бы наружу.

– Может, она приехала из другого города.

– Ты кажешься почти счастливой, – неожиданно сказал Джек.

– Так и есть, – призналась Мэл. – Девушка, принеся банки с вареньем, попросила меня помочь ей с родами. Это было так мило. Единственная проблема в том, что рожать она, похоже, собирается в моей спальне. И случиться это может очень скоро.

– А! – воскликнул он. – Полли. Выглядит она так, будто ребенок скоро сам из нее выпадет.

– Как ты узнал? Хотя неважно – здесь ведь все всё знают.

– Просто в округе не так много беременных, – рассмеялся он.

Мэл повернулась на табурете и оглядела зал. Две старушки уплетали мясной рулет за столиком у камина, в то время как уже знакомые ей парочки, всем от сорока до пятидесяти лет, казалось, просто общались – смеялись и сплетничали. Завсегдатаев в баре было около дюжины.

– Дела сегодня идут неплохо, да?

– Люди нечасто выходят наружу в дождливую погоду. Полагаю, в такие дни они заняты тем, что подставляют ведра

под каплю с потолка воду. Так... тебе все еще хочется убраться отсюда побыстрее?

Она отпила немного пива, отметив, что натошак оно подействовало просто мгновенно. И, надо признать, эффект был восхитительным.

– Мне придется уехать хотя бы по той причине, что здесь негде осветлить волосы.

– Тут в округе есть салоны красоты. А в Вирджин-Ривер живет Дот Шуман, она устроила парикмахерский салон в своем гараже.

– Звучит интригующе. – Она подняла на него глаза и произнесла: – Я пьянею. Может, мне лучше взяться, наконец, за мясной рулет? – Мэл икнула, и они оба рассмеялись.

К семи в зал вошла Хоуп Мак-Кри и присела рядом с ней.

– Слышала, у тебя сегодня был насыщенный встречами день, – объявила она. Затем вытащила из сумочки пачку сигарет и уже собиралась было вытряхнуть одну, когда Мэл схватила ее за запястье.

– Вы должны подождать как минимум, пока я не закончу с ужином.

– Ох, ну что ты за вредина. – Женщина положила сигареты обратно. Затем выкрикнула свой заказ: – Мне как обычно! – И снова обратилась к Мэл: – Ну, и как оно? Твой первый настоящий рабочий день? Док тебя по-прежнему пугает?

– Он был крайне любезен. Даже разрешил мне наложить пару швов. Конечно, не похвалил мою работу, но и не сказал

ничего плохого. — Наклонившись к Хоуп поближе, она заговорщицки произнесла: — Думаю, он меня проверяет. Людям свойственно пытаться защищать свою территорию.

— Теперь ты останешься?

— Я останусь по крайней мере на несколько дней. Пока мы не решим пару проблем, требующих определенного внимания.

— Я слышала. Поговаривают, это подкидыш.

Бармен поставил стакан перед Хоуп.

— «Джек Дэниэлс», неразбавленный, — объявил он.

— Есть какие-нибудь догадки, кто может быть матерью ребенка? — спросила Мэл у Мак-Кри.

— Нет. Но все друг на друга странно посматривают. Если она из местных, то вскоре объявится. Ты уже закончила без толку гонять еду по тарелке? Потому что мне жуть как хочется закурить.

— Знаете, вам лучше бросить.

Хоуп Мак-Кри нетерпеливо посмотрела на Мэл и поморщилась. Затем поправила на носу свои слишком большие очки.

— Какого черта мне теперь заморачиваться? Я и так прожила дольше, чем ожидала.

— Это чепуха. Вы будете жить еще долго и счастливо.

— О боже. Надеюсь, что нет!

Джек рассмеялся, и Мэл невольно тоже не удержалась.

Хоуп, ведя себя как женщина, которую одолевает мил-

лион различных дел, выпила свою порцию виски, выкурила сигарету и, положив деньги на стойку, спрыгнула со стула со словами:

– Я попозже с тобой свяжусь. Могу помочь тебе с малышкой, если понадобится.

– Нельзя курить рядом с ребенком, – заметила Мэл.

– Я и не говорила, что буду помогать днями напролет, – ответила Хоуп. – Если что, имей меня в виду.

Сказав это, она пошла к выходу, но остановилась поболтать у пары столиков, коротая время, прежде чем покинуть бар.

– До сколько вы работаете? – спросил Мэл Джека.

– А что такое? Хочешь пропустить стаканчик на сон грядущий?

– Только не сегодня. Я полностью вымоталась. В следующий раз, наверное.

– Обычно я закрываюсь около девяти, но если меня просят, то продолжаю работать дальше.

– Это самый гостеприимный ресторан из всех, которые мне известны, – засмеялась Мэл. Затем она посмотрела на часы. – Я лучше пойду, проверю, как там Док. Не знаю, насколько у него хватит терпения нянчиться с младенцем. Увидимся за завтраком, если Док не уедет по вызову к кому-нибудь на дом.

– Если что, мы никуда не денемся, – кивнул он.

Мэл попрощалась и по пути к вешалке за своим пальто

остановилась у пары столиков, чтобы пожелать спокойной ночи людям, с которыми недавно познакомилась.

– Думаешь, она задержится ненадолго? – тихо спросил Проповедник у Джека.

Джек нахмурился.

– Я думаю, то, как на ней сидят ее джинсы, противозаконно. – Он посмотрел на Проповедника. – Ты один справишься? Я хочу дернуть пивка в Клер-Ривер.

Это был их секретный код. В Клер-Ривер жила женщина, с которой Джек встречался.

– Я справлюсь, – ответил Проповедник.

За те полчаса, что Джек ехал до Клер-Ривер, он совершенно не думал о Шармейн, и это вызывало у него некоторое чувство вины. Сегодня вечером все его мысли крутились вокруг другой женщины. Очень красивой и молодой блондинки, которая одним своим видом могла заставить мужчину встать на колени.

Пару лет назад Джек зашел в случайную таверну в Клер-Ривер выпить пива и завязал разговор с официанткой по имени Шармейн. Она оказалась разведенной матерью пары взрослых детей. Это была хорошая женщина, трудолюбивая. Веселая и кокетливая. После нескольких посещений и литров выпитого пива она пригласила его к себе домой, и он рухнул в нее, словно в нежнейшую перину. Затем рас-

сказал ей, что всегда старался донести до своих женщин одну очень важную вещь: он не из тех мужчин, которых можно захомутать, поэтому если у нее появятся подобные мыслишки, его мигом не станет.

– Почему ты считаешь, будто все женщины изнывают от желания, чтобы ими руководил какой-то мужик? – с насмешкой спросила та. – Я только что избавилась от одного. И не собираюсь связывать себя с другим. – Затем она улыбнулась и добавила: – Однако нам всем иногда бывает немного одиноко.

У них завязался роман, который Джек поддерживал уже пару лет. Он нечасто с ней виделся – раз в неделю, может быть, раз в пару недель. Иногда они целый месяц не виделись. Он понятия не имел, чем она занимается в его отсутствие. Возможно, у нее были и другие мужчины, но никаких доказательств этого ему не попадалось. Джек ни разу не замечал, чтобы она проводила время в баре с кем-нибудь еще, никогда не находил никаких мужских вещей в ее доме. Он хранил в ее прикроватном ящике упаковку презервативов, которая никогда не пустела, не скрывая того, что ему нравится быть единственным мужчиной, с которым она развлекалась.

Что касается самого Джека, то у него были личные принципы, гласившие, что нескольких женщин одновременно заводить нельзя. Бывало, что его отношения с женщиной могли длиться целый год, а иногда лишь ночь – но он никогда

не заводил себе целую коллекцию пассий, чтобы бегать от одной к другой. И пускай сегодняшней ночью он данное правило не нарушил, однако был очень близок к этому.

Он никогда не ночевал в Клер-Ривер, а Шармейн ни разу не получала от него приглашения в Вирджин-Ривер. Она лишь дважды позвонила ему и попросила приехать – для чего, было и так понятно. В конце концов, он не единственный, кому нужно время от времени быть с кем-то рядом.

Ему понравилось радостное выражение, которое, как показалось Джеку, осветило ее лицо, когда он вошел в таверну. Его одолевали подозрения, что она испытывает к нему более сильные чувства, чем склонна показывать. Он был в долгу перед Шармейн – ее терпение было поистине безграничным, – но понимал, что ему придется разорвать их отношения, прежде чем они окончательно запутаются. Поэтому, чтобы продемонстрировать джентльменские манеры, он иногда заезжал к ней просто выпить пива. А временами радовал ее каким-нибудь подарком, например, шарфом или сережками.

Он сел у стойки, и она принесла ему пива. Сегодня ее волосы были взбиты в пышную прическу; Шармейн была крупной крашеной блондинкой. При росте около пяти футов восьми дюймов ей удавалось сохранять, в общем, очень неплохую фигуру. Сколько ей точно лет, он не знал, но подозревал, что уже за сорок или даже слегка за пятьдесят. Она предпочитала носить облегающую одежду и топы, под-

черкивающие пышную грудь. На первый взгляд, выглядело это дешево. Не столько безвкусно или низкопробно, сколько простовато. Грубо. Но как только вы узнавали Шармейн поближе, насколько она добра и искренна, эти мысли сразу улетучивались. Джек предполагал, что в молодости, со своей пышной грудью и пухлыми губами, она выглядела очень привлекательно. На самом деле, внешность у нее не стала хуже, лишь прибавилось немного лишнего веса на бедрах да в уголках глаз появились морщинки.

– Привет, дружище, – улыбнулась она. – Давненько не виделись.

– По-моему, всего пару недель.

– Скорее, все четыре.

– Как поживаешь? – спросил Джек.

– Вся в делах. Работаю. На прошлой неделе ездила в Эврику навестить дочь. У нее неудачный брак, но чего еще было ожидать? Я растила ее в точно таком же.

– Она разводится? – вежливо поинтересовался он, хотя, по правде говоря, ему было все равно. Джек не был знаком с детьми Шармейн.

– Нет. Но ей надо это сделать. Подожди, пока я обслужу тот стол. Скоро вернусь.

Она отошла от него, дабы убедиться, что другие клиенты не остаются без внимания. Их было всего несколько человек, и когда появился Джек, владелец заведения Бутч понял, что Шармейн захочет сегодня уйти пораньше. Джек видел,

как она поставила поднос с бокалами за стойку бара и начала тихо переговариваться со своим боссом, который в итоге согласно кивнул головой. Затем Шармейн вернулась к нему.

– Я просто хотел выпить пива и поздороваться, – сказал Джек. – Потом я должен вернуться. На мне сейчас висит большое дело.

– О, да? И какое же?

– Я ремонтирую дом для одной женщины. Сегодня смастерил новое крыльцо, а завтра покрашу его и сделаю ступеньки.

– Откуда такая резвость? Она хорошенькая?

– Думаю, можно сказать, что хорошенькая. Для своих семидесяти шести лет.

Она громко рассмеялась. Шармейн всегда громко смеялась. Это был добрый смех, исходящий из самых глубин ее души.

– Ну, тогда я не стану ревновать. Все-таки, может быть, ты найдешь время, чтобы проводить меня до дома?

– Конечно, – согласился он, допивая пиво. – Но на вечер я не смогу остаться.

– Ничего страшного, – обрадовалась она. – Я пойду надену пальто.

Когда они вышли на улицу, она взяла его за руку и, как обычно, принялась рассказывать о событиях последних двух недель. Ему нравился ее голос, низкий и немного резкий, который зачастую называют пропитым, хотя пила она немного.

Шармейн могла щебетать бесконечно о чем угодно, но в приятной, нераздражающей манере. Она рассказывала ему о работе в баре, жителях города, своих детях, недавних покупках и прочитанных книгах. Новости очаровывали ее – по утрам перед работой она смотрела CNN, и ей нравилось потом высказывать ему свое мнение о всяких горячих историях. В ее маленьком домике всегда что-то происходило: поклейка обоев, покраска стен или закупка новой бытовой техники. Дом полностью принадлежал ей; какое-то наследство или что-то вроде того. Поэтому заработанные деньги она тратила на себя и своих детей.

Когда они подошли к двери ее дома, он сказал:

– Мне пора, Шармейн. Но мы скоро увидимся.

– Хорошо, Джек, – согласилась она. Затем приподняла лицо для поцелуя, и он повиновался.

– Это был ненастоящий поцелуй, – нахмурилась она.

– Я не хочу оставаться сегодня вечером, – напомнил он.

– Ты, должно быть, ужасно устал, – сочувственно произнесла она. – Как думаешь, тебе хватит сил, чтобы подарить мне поцелуй, от которого я не смогу прийти в себя еще пару часов?

Он попробовал еще раз. На этот раз прижался своими губами к ее рту, засунув внутрь язык, и крепко прижал ее к себе. Не растерявшись, она тут же схватила его за пятую точку. «Проклятие!» – пронеслось в голове у Джека. Она слегка подалась к нему навстречу, сильнее втягивая в себя его язык.

Затем сунула руку за ремень джинсов и притянула к себе, скользя своими пальцами все ниже и ниже.

– Хорошо, – возбужденно произнес он севшим голосом, словно слегка защищаясь. – Я загляну на пару минут.

– Вот это мой мальчик, – сказала она, улыбнувшись. Затем толкнула дверь, и он последовал за ней внутрь. – Считай, что это просто маленькая таблетка снотворного на сон грядущий.

Он бросил куртку на стул. Шармейн еще даже не успела снять свое пальто, когда он схватил ее за талию, притянул к себе и впился в ее рот поцелуем, внезапным, горячим и страстным. Стянув с ее плеч пальто, он повел ее к спальне, где они вместе упали в кровать. Стянув с нее джемпер, он выпустил на волю ее горячие груди, немедленно накрыв губами сначала один сосок, а затем другой. Потом на пол полетели сначала ее штаны, а затем его. Его руки пробежались по ее пышному телу, лаская плечи, талию, бедра. Затем он потянулся к прикроватной тумбочке, достал один из хранившихся там презервативов и разорвал упаковку. Надев его, он оказался внутри нее так быстро, что даже сам удивился. Он бил бедрами и толкал, проникая глубже, а она лишь постанывала: «О! О! Боже мой!».

Он уже готов был взорваться, однако сдержался, когда ноги Шармейн крепко обвились вокруг его талии, и она задрожала от накатывающегося волнами наслаждения. С ним что-то произошло – он словно слегка сошел с ума. Не понимал,

где находится и с кем. Когда ее тело наконец напряглось, будто струна, он с громким стоном позволил себе кончить. Шармейн тяжело дышала, и по этим звукам он понял, что она полностью удовлетворена.

– Боже мой, – простила она, когда ее дыхание наконец пришло в норму. – Ты чего так возбудился?

– Хм?

– Джек, ты даже ботинки не снял!

На мгновение он застыл потрясенный, а затем скатился с нее.

«Господи», – пронеслось у него в голове. Нельзя так обращаться с женщиной. Может, сознание у него отключилось, но, по крайней мере, он не думал ни о ком другом, утешал себя Джек. Разум вообще в этом никак не был задействован – это был чистый инстинктивный порыв. Его тело действовало вместо него.

– Мне очень жаль, Шармейн. Ты в порядке?

– Я более чем в порядке! Только, пожалуйста,ними ботинки и обними меня.

Он уже решил было сказать, что ему пора уходить, но не смог так поступить после всего случившегося. Поэтому сел и снял ботинки, а затем избавился от брюк и рубашки, бросив их на пол. По-быстрому сбегав в туалет, он вернулся, обнял ее и прижал к себе. Тяжелое, нежное тело Шармейн мягко прижималось к его собственному. Он ласкал ее, целовал и в конце концов снова занялся с ней любовью –

иначе, чем полчаса назад. На этот раз, не теряя самоконтроля, но с не меньшим удовольствием. В час ночи он принялся осматривать пол в поисках своих штанов.

– Я думала, на этот раз ты останешься на ночь, – донеслось до него из-под одеяла.

Натянув штаны, он сел на кровать, чтобы надеть ботинки. Затем повернулся к ней и поцеловал в щеку.

– Я не могу, – объяснил он. – Но зато теперь ты будешь спать без задних ног. – Он улыбнулся, – Считай, что это просто маленькая таблетка снотворного на сон грядущий.

Возвращаясь к Вирджин-Ривер, он не переставал размышлять: *«Все кончено. Нужно положить этому конец. Я больше не могу заниматься этим с чистой совестью. Не в то время, когда мое внимание отвлечено кем-то другим».*

Глава 4



Джек остановился перед лесным домиком, его пикап был доверху загружен разными припасами. Так продолжалось уже третий день подряд. Когда он подъехал, Шерил вышла из дома на новенькое крыльцо.

– Привет, Шерил! – Он махнул рукой. – Как идут дела? Там уже все готово?

В руках у нее была тряпка.

– Мне понадобится время до конца дня. Тут был настоящий свинарник. Ты и завтра сюда приедешь?

Он и рад был бы. Но вместо этого произнес:

– Нет. Я уже почти закончил. Хочу покрасить сегодня утром крыльцо – ты сможешь выйти потом через черный ход? А то я там еще ступеньки не сделал.

– Я вполне могу и прыгнуть. Что там у тебя? – Она спустилась по ступенькам вниз.

– Просто кое-какие вещи для дома, – сказал он, выгружая большое удобное кресло для веранды; еще одно такое же лежало в кузове.

– Вау. Ты действительно выложил на все сто, – удивилась Шерил.

– Это надо было сделать.

– Она, наверное, какая-то особенная медсестра.

– Она утверждает, что не останется, но лачугу все равно нужно отремонтировать. Я сказал Хоуп, что позабочусь об этом.

– Не каждый согласится нагрузить себя такими хлопот-

тами. Ты действительно хороший парень, Джек, – заметила она, а затем заглянула в грузовик. Внутри лежал новый двуспальный матрас в большом пластиковом пакете. Помимо этого там оказалась еще куча вещей: большой свернутый коврик для гостиной, сумки из «Таргет»²¹, набитые постельным бельем и полотенцами (новыми, в отличие от серых и истрепавшихся, которые они позаимствовали из бельевого шкафа Хоуп), герань в горшках для крыльца, доски для ступенек черного хода, банки с краской и ящик с новыми кухонными принадлежностями.

– Это намного серьезнее, чем просто ремонт, – удивленно произнесла Шерил. Она заправила сбившуюся прядь волос за ухо. Случайно взглянув на нее, Джек увидел, что в ее грустных глазах плещется тоска. Он тут же быстро отвернулся.

– Зачем останавливаться на полпути? – попытался объяснить он. – Так будет лучше. Когда она уедет, Хоуп, возможно, сдаст домик в аренду дачникам.

– Ага, – недоверчиво произнесла она.

Джек продолжал разгрузку, в то время как Шерил стояла рядом. Он старательно пытался ее игнорировать, даже не пытаясь вести легкую светскую беседу.

Шерил была высокой, дородной девушкой тридцати лет, но выглядела гораздо старше – она с юного возраста мно-

²¹ «Таргет» (англ. Target) – американская сеть магазинов розничной торговли, основана в 1902 г.

го пила. Лицо у нее было багрового оттенка, волосы редкие и безжизненные, глаза покрасневшие, с обвисшими веками. Из-за выпивки талия ее серьезно обросла лишним жиром. Время от времени она трезвела на пару недель или в лучшем случае месяцев, но неизменно возвращалась к бутылке. Она все еще жила со своими родителями, которые с ума сходили от пьянства дочери. Но что им было делать? Что бы они ни пытались предпринять, Шерил всегда умудрялась снова раздобыть порцию выпивки. Джек никогда ее не обслуживал, но каждый раз, при встрече вроде этой, ощущал типичный запахок вкупе с характерно полуприкрытыми глазами. Сегодня она еще неплохо держалась. Должно быть, еще не сильно накидалась.

Пару лет назад произошел неприятный инцидент, через который им обоим пришлось пройти. Однажды ночью онахватила лишнего, отправилась к его жилой пристройке позади бара и принялась посреди ночи колотить в его дверь. Когда он открыл, Шерил бросилась к Джеку на шею, заключив в объятия и изливая признания в своей трагической к нему любви. К сожалению для Шерил, как выяснилось на следующий день, она запомнила все до мельчайших подробностей.

Через несколько дней, застав ее трезвой, он твердо отчеканил:

– Никогда. Никогда больше это не должно повториться. Возьми себя в руки и больше ничего подобного не устраивай. – От этих слов она тогда расплакалась.

Он старался изо всех сил забыть о случившемся и был благодарен ей за то, что она пила дома, а не в его баре. Шерил нравилось пить чистую водку – вероятно, прямо из горла. Или, если получалось достать, «Эверклир» – вот уж действительно крепкое пойло. В большинстве штатов он был запрещен, но владельцы винных магазинов обычно держали небольшой запас под прилавком.

– Я бы хотела стать медсестрой, – медленно произнесла Шерил.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы вернуться в школу? – спросил Джек, не отрываясь от работы. Он осторожно подбирал слова, чтобы не произвести впечатления, будто как-то заинтересован в ее судьбе. Вытащив из кузова пикапа ковер, перекинул его через плечо и понес в дом.

– Я не могу себе этого позволить, – бросила Шерил ему в спину.

– Могла бы, если бы у тебя была работа. Тебе нужен город побольше. Попробуй закинуть сеть подальше. Перестань полагаться на случайную подработку.

– Да, я знаю, – вздохнула она, следуя за ним по пятам. – Но мне здесь нравится.

– Неужели? Ты не выглядишь особенно счастливой.

– О, иногда я бываю очень даже счастлива.

– Это хорошо, – коротко бросил Джек. Он кинул свернутый коврик на пол в гостиной. Разложить его можно потом. – Если останется время, ты не могла бы постирнуть новое бе-

лье, которое я купил, и спрятать его куда-нибудь? Заправишь кровать, когда я положу туда новый матрас?

– Конечно. Давай я помогу тебе с матрасом.

– Спасибо, – согласился Джек, и они вместе затащили матрас в дом. Прислонил его к стене и стащил старый с кровати. – Выкину на свалку по дороге домой.

– Я слышала, что у Дока в доме сейчас живет новорожденный младенец. Вроде как его туда подкинули.

От этих слов Джек замер. «*О черт*, – подумал он. – *Шерил? Неужели это Шерил?*». Сам того не желая, он окинул ее взглядом с головы до ног. Она была крупной, но не выглядела растолстевшей. Правда, жир с талии никуда не делся, и рубашка на ней болталась свободная и мешковатая. Но в тот самый день она здесь занималась уборкой – вряд ли такое было бы ей по силам, правда? Может, дело вовсе не в «смирновском» гриппе. Но как тогда быть с послеродовым кровотечением? Кроме того, у нее ведь должно появиться молоко? И почему она не ощущает себя слабой и уставшей?

– Ага, – наконец выдавил из себя он. – Ты не слышала, кто бы мог это сделать?

– Нет. Это случайно не индейский ребенок? Потому что здесь вокруг есть резервации – женщинам там сейчас живет-ся несладко. Да ты и сам знаешь.

– Он белый.

– Знаешь, когда я закончу с уборкой, то могла бы помочь ухаживать за ним.

– Думаю, что это лишнее, Шерил. Но спасибо. Я передам Доку. – Джек вынес старый матрас и прислонил к кузову пикапа. *«Боже, до чего ужасный у него вид»*, – подумал он. Мэл абсолютно права, эта хижина просто отвратительна. О чем думала Хоуп? Старуха планировала, что внутри приберутся, но неужели она ожидала, что новая медсестра будет спать на этой штуке? Впрочем, иногда Хоуп могла закрывать глаза на подобные детали. Она была просто упрямой старой бабкой.

Запрыгнув в пикап, Джек вытащил мешки с бельем.

– Вот, – сказал он Шерил, – а теперь ступай в дом – мне нужно начинать красить. Я хочу вернуться в бар к обеду.

– Хорошо, – согласилась она, принимая сумки. – Дай мне знать, если понадобится Доку. Хорошо?

– Конечно, Шерил, – ответил Джек. Но про себя подумал: *«Никогда. Это будет слишком рискованно»*.

К полудню Джек вернулся в бар, поэтому у него оказалось достаточно времени, чтобы провести инвентаризацию барных запасов, прежде чем люди начнут собираться к ужину. Бар был пуст, как часто бывало в это время суток. Проповедник сидел в подсобке, намереваясь приступить к обеду, а Рики должен был появиться лишь через час.

В бар вошел какой-то мужчина. По виду явно не рыбак; одет он был в джинсы и коричневую футболку с джинсовой

жилеткой, на голове красовалась бейсболка, из-под которой виднелись длинные волосы. Комплекция его внушала уважение, а лицо заросло недельной щетиной. Он сел возле стойки через несколько стульев от того места, где стоял Джек со своим блокнотом и инвентарными записями, – недвусмысленно намекая, что на беседу не настроен.

Джек подошел к посетителю поближе.

– Здравствуйте. Проезжали мимо? – спросил он, махнув перед гостем салфеткой.

– Хм, – буркнул мужчина, – как насчет пива и рюмашки? «Хайнекен» и «Бим».

– Легко, – коротко ответил Джек, тут же выставив все на стол. Мужчина сразу выпил порцию виски, а затем поднял кружку с пивом, не поднимая глаз на Джека.

«Хорошо, обойдемся без разговоров, – подумал Джек. – У меня есть чем заняться». Решив так, он вернулся к подсчету бутылок.

Прошло около десяти минут, когда он услышал:

– Эй, дружище. Повтори, а?

– Готово, – произнес Джек, подавая мужчине новую порцию выпивки.

Снова воцарилось молчание. На этот раз гость потратил на свое пиво чуть больше времени, и этого Джеку хватило, чтобы проверить большую часть своих запасов. Когда он стоял, склонившись над барной стойкой, на него упала тень, он поднял голову и увидел по ту сторону незнакомца, готового

рассчитаться.

Джек выпрямился, когда мужчина полез в карман. И заметил, как из-под рукава его рубашки показалась татуировка – легко узнаваемые лапы бульдога, «Дьявольского пса». Джек стоял достаточно близко, чтобы это заметить – у мужчины совершенно точно была набита татуировка морской пехоты США. Однако затем тот достал толстую пачку банкнот, вытащил оттуда сотенную купюру и спросил:

– Можешь разменять?

Джеку не хотелось даже прикасаться к купюре – он отчетливо ощутил потянувшийся к нему скунсовый запах зеленой конопли. Этот тип только что собрал урожай и, судя по вонючей купюре, сделал на этом деньги. Джек мог ее разменять, но не хотел афишировать, сколько наличных держит в кассе, а больше всего не хотел, чтобы эти грязные деньги остались у него в баре. В этих краях было много таких «садоводов», некоторые из которых имели рецепты для легального выращивания травы, осознавая ее медицинские преимущества. Были и те, кто считал марихуану обычным растением вроде кукурузы. Сельское хозяйство. Всего лишь способ подзаработать. И хватало тех, кто торговал наркотиками, потому что они приносили большую прибыль. Эту часть страны часто называли «Изумрудным треугольником» из-за трех округов, наиболее прославившихся торговлей каннабисом. Тут моталось множество хороших, новеньких пикапов грузоподъемностью в полтонны, за рулем которых сидели водители, по-

лучающие зарплату на уровне помощника официанта.

Некоторые городки в здешних краях обслуживали этих «садоводов», продавая необходимые нелегальным производителям материалы – ирригационные трубки, лампы для выращивания растений, маскировочный брезент, пластиковую пленку, разнообразные ножницы для сбора урожая и обрезки. Весы, генераторы, квадроциклы для езды по бездорожью, чтобы добраться до своих укромных уголков в лесу. Хватало и торговцев, которые вывешивали в окнах таблички с надписью: «КППМ здесь не обслуживают». КППМ расшифровывалось как «Кампания против посадки марихуаны» – операция, которую совместно запустили департамент шерифа округа и власти штата Калифорния. Клер-Ривер был из тех городков, которые не поддерживали КППМ и не возражали против денег «садоводов», которые лились потоком. Хотя Шармейн не одобряла незаконное выращивание конопли, Бутч бы, например, не отказался от пованивающей купюры.

Но Вирджин-Ривер не принадлежал к числу подобных городков.

«Садоводы» обычно держались в тени и не доставляли особых проблем, не желая, чтобы их лишний раз трогали. Иногда между ними возникали территориальные конфликты, не говоря уже о заминированных посадках, которые могли навредить ни в чем не повинному гражданину. Случались преступления, связанные с наркотиками, от краж со взломом и грабежей до убийств. Недавно было найдено тело парт-

нера одного из «садоводов», похороненного в лесу недалеко от Гарбервилля; он пропал без вести более двух лет назад, а сам «садовод» все это время находился под подозрением. В Вирджин-Ривер нельзя было отыскать ничего, что может пригодиться для выращивания незаконных культур, что позволяло держать этих деятелей подальше. Если в городе и действовали «садоводы», то работали они под глубочайшим покровом секретности. Вирджин-Ривер отторгала подобных типов. Но все же этот парень был не первым, кто сюда заявлялся.

– Вот что я тебе скажу, – обратился Джек к мужчине, долго и серьезно его рассматривая. – На этот раз угощение – за счет заведения.

– Спасибо, – бросил тот, вкладывая банкноту обратно на пачку и засовывая ее в карман. Затем повернулся, чтобы уйти.

– И знаешь еще что, приятель? – крикнул Джек, когда мужчина уже подошел к двери, чтобы уйти. Он повернулся, и Джек продолжил: – Заместитель шерифа и парни из Калифорнийского дорожного патруля тоже частенько бесплатно едят.

Плечи мужчины приподнялись, он тихо рассмеялся. Что ж, его предупредили. Дотронувшись на прощание до козырька бейсболки, он вышел.

Джек прошел через зал и выглянул в окно, успев увидеть, как мужчина садится в новенький турбованный «Рендж Ро-

вер» черного цвета с большими высокими колесами, тонированными стеклами и прожекторами на крыше. Такая модель может стоять под сотню тысяч зеленых. Этот парень явно не из любителей. Он постарался запомнить номерной знак.

Когда Джек вошел на кухню, Проповедник раскатывал тесто для пирога.

– Я только что обслужил парня, который пытался расплатиться за напитки пачкой вонючих «бенов» толщиной с мой кулак, – сказал ему Джек.

– Вот дерьмо.

– Он водит новенький «Рендж Ровер», заряженный, с высокой посадкой и дополнительной подсветкой. Какой-то крутой тип.

– Думаешь, он растит травку где-то здесь, в городе?

– Понятия не имею, – сказал Джек. – Нам лучше обратить на это внимание. Я расскажу об этом, когда в следующий раз к нам заедет помощник шерифа. Впрочем, нет ничего незаконного в деньгах с запашком или во владении здоровенным внедорожником.

– Если у него куча денег, он явно ворочает серьезными делами, – веско произнес Проповедник.

– У него татуировка бульдога на правой руке.

Проповедник нахмурился.

– Ты вроде как ненавидишь, когда наши братья ступают на эту дорожку.

– Да уж, что есть, то есть. Может, он ведет свой бизнес

не в здешних краях. Он мог просто осматривать город, прикидывая, хорошее ли это место, чтобы тут обустроиться. Думаю, я дал ему ясно понять, что это не так. Сказал, что парни из полиции обслуживаются здесь бесплатно.

Проповедник улыбнулся.

– Тогда мы действительно должны им это предложить, – сказал он.

– Как насчет того, чтобы для начала просто дать скидку? Мы ведь не хотим двинуться от наплыва желающих.

Мэл позвонила по телефону своей сестре Джоуи.

– О господи, Мэл! Ты меня до смерти напугала! Где ты была? Почему не позвонила раньше?

– Я в Вирджин-Ривер, у меня тут нет телефона, сотовый тоже не работает. И еще я была очень занята.

– Я уже собиралась вызывать Национальную гвардию!

– Да? Ну, тогда не беспокойся. Они никогда не смогут найти это место.

– С тобой все в порядке?

– Ну... Это, наверное, принесет тебе толику извращенной радости, – ухмыльнулась Мэл. – Ты была права. Я не должна была этого делать. Я сошла с ума. Впрочем, как обычно.

– Там так ужасно?

– Началось все определенно ужасно: бесплатное жилье оказалось полуобвалившейся лачугой, а доктор – мерзким

стариком, который упирается, отказываясь от любой помощи в работе. Я уже выезжала из города, когда, ты не поверишь, выяснилось, что кто-то подкинул на крыльцо доктора новорожденного младенца. Но сейчас стало лучше. Я останусь здесь еще как минимум на несколько дней, чтобы помочь с ребенком. Старый доктор не просыпается, даже когда она вопит посреди ночи от голода. О, Джоуи, по первому впечатлению мне показалось, что это худший кандидат на должность городского врача из всех, кого я когда-либо встречала! Противный, как змея, и грубый, как свинья. К счастью, работа с медицинской братией Лос-Анджелеса, особенно с самодовольными хирургами, подготовила меня к общению с такими типами.

– Хорошо, это было твое первое впечатление. А что, потом оно изменилось?

– Он оказался сговорчивым. Поскольку мое жилье оказалось непригодным для проживания, я сейчас живу в гостевой комнате у него дома. На самом деле это единственная больничная палата в городе. Дом хороший – чистый и удобный. Но в любой момент может возникнуть маленькое неудобство: девушка, попросившая меня помочь с ее первыми родами, будет рожать здесь – в той самой спальне, которую я сейчас делю с брошенным ребенком. Только представь себе: послеродовая пациентка в детской комнате.

– А где ты будешь спать?

– Я, наверное, приткнусь в углу и буду спать стоя. Но это

только в том случае, если она родит на следующей неделе, пока я еще буду здесь. Наверняка скоро найдется семья, чтобы удочерить эту малышку. Хотя я не против помочь принять роды. Поспособствовать рождению ребенка в семье со счастливыми, любящими и здоровыми родителями...

– Тебе не обязательно оставаться там из-за этого, – твердо сказала Джоуи. – У них ведь есть собственный врач.

– Я знаю, но она так молода. И еще она очень обрадовалась, узнав, что здесь появилась женщина-врач, которая сможет ей помочь вместо этого злобного старикашки.

– Мэл, я хочу, чтобы ты, не мешкая, села в машину и поехала к нам. Приезжай. Мы здесь сможем о тебе позаботиться.

– Обо мне вовсе не нужно заботиться, – рассмеялась Мэл. – Мне поможет работа. Я хочу работать. Чтобы можно было часами чем-то заниматься, не возвращаясь мыслями к Марку.

– Как ты с этим справляешься?

– Это другое, – глубоко вздохнула Мэл. – Здесь никто ничего не знает, поэтому я не натыкаюсь повсюду на печальные, сочувственные взгляды. И поскольку я их не ощущаю, то и таких частых срывов у меня сейчас тоже нет. По крайней мере, не на людях.

– О, Мэл, хотела бы я как-нибудь тебя утешить...

– Джоуи, я должна привыкнуть жить с этим горем, другого выхода нет. И еще мне нужно смириться с тем фактом, что,

возможно, я этого никогда не забуду.

– Надеюсь, это неправда, Мэл. Я знакома с несколькими вдовами. И знаю среди них тех, кто повторно вышел замуж и живет теперь счастливо.

– Так, хватит об этом, – отрезала Мэл. Затем она рассказала Джоуи о том, что узнала о городе, обо всех тех людях, которые заходили в дом Дока, чтобы взглянуть на нее, о Джеке и Проповеднике. И о том, как много здесь в небесах звезд. Какие тут горы; и воздух, такой чистый и свежий, что поначалу даже с трудом дышится. О людях, которые приходили на прием к врачу с подарками и тоннами еды, большая часть которой потом переправлялась через улицу прямо в бар, где Проповедник использовал ее в своих кулинарных шедеврах; о том, как Джек категорически отказался брать деньги с Дока и Мэл за еду или напитки. Любой человек, который заботился о городе, получил в его баре бесплатный абонемент на питание.

– Но все-таки здесь глубокая провинция. Док позвонил в окружное агентство социальной службы, и, насколько я понимаю, нас внесли в список ожидания – еще неизвестно, когда они смогут подыскать приемную семью. Честно говоря, я не понимаю, как старый доктор справлялся с делами все эти годы безо всякой помощи.

– А люди там хорошие? – спросила Джоуи. – Ну, кроме доктора?

– Те, что мне попадались – очень. Но главная причина,

по которой я тебе позвонила, — помимо того, чтобы успокоить и сообщить, что я в безопасности, — в том, что я разговариваю по телефону старого доктора. Сотовый здесь вообще не работает. Я дам тебе его номер.

— Что ж, — произнесла Джоуи, — по крайней мере, судя по голосу, с тобой все в порядке. На самом деле я давно уже не слышала у тебя в голосе столько радости.

— Как я уже сказала, тут есть пациенты. Проблем тоже хватает. Я слегка переволновалась. В первый же день меня оставили одну с младенцем и ключом от аптечного шкафа, велел принимать всех посетителей, которые зайдут в гости. Никакого предварительного инструктажа, ничего. Пришло около тридцати человек — просто с дружеским визитом, чтобы поздороваться. Именно это ты слышишь в моем голосе. Адреналин.

— Снова этот адреналин. Ты же обещала, что с тебя хватит. Мэл рассмеялась.

— Это совершенно другая его разновидность.

— Хорошо, когда ты закончишь там все дела, то приедешь в Колорадо-Спрингс?

— Других вариантов у меня нет, — вздохнула Мэл.

— И когда же?

— Точно сказать не могу. Надеюсь, через несколько дней. Ну, может, через пару недель. Но я позвоню тебе и сообщу, когда буду выезжать. Хорошо?

— Хорошо. Но ты действительно словно... воспряла ду-

ХОМ.

– Здесь полностью отсутствуют блага цивилизации. Какая-то женщина из местных держит парикмахерский салон в своем гараже, и все, – сменила тему Мэл.

– Боже мой, – ухмыльнулась Джоуи. – Лучше сделай обертывание для волос, чтобы совсем не испортить их.

– Ага, именно об этом я и думала.

Наступила среда, день приема, и Мэл вновь ухаживала за новорожденной девочкой, параллельно осмотрев несколько пациентов с незначительными жалобами. Одна вывихнутая лодыжка, сильная простуда, еще один предродовой осмотр, проверка здоровья ребенка и прививка. Была и парочка более серьезных пациентов. Она зашила рану на голове десятилетнего мальчугана, на что Док благосклонно сказал: «Неплохо». Он в этот день дважды выезжал на дом. Они подменяли друг друга возле малышки: один оставался рядом с ней в качестве няни, пока второй переходил через улицу к Джеку, чтобы поесть. Люди в баре и те, кто заходил в кабинет врача, были милыми и дружелюбными. *«Но это все временно, – осторожно напомнила она себе. – Док на самом деле не нуждается в помощи».*

Мэл заказала еще одну партию подгузников у Конни в магазине на углу. Магази́чик размерами был не больше мини-маркета; Мэл узнала, что местные жители обычно ездят

в ближайший крупный город за продуктами и кормом для животных, посещая магазин только для каких-нибудь срочных покупок. Иногда туда забредали охотники или рыбаки, которые искали что-то им необходимое. Там было всего понемногу – от бутилированной воды до носков. Но каждого товара всего по несколько штук.

– Я слышала, что за младенцем еще никто не пришел, – сокрушалась Конни. – Не представляю, что кто-то в округе мог родить ребенка и бросить его.

– А разве вы можете представить, что кто-то будет рожать безо всякой медпомощи? Тем более когда в городе есть доктор?

Конни, милая женщина лет пятидесяти, неуверенно пожала плечами.

– Женщины все время рожают детей дома, но обычно при этом присутствует Док. У нас тут есть несколько семей в лесу, которые живут особняком и вообще никому не показываются. – Наклонившись ближе, она прошептала: – Это странные люди. Но я прожила здесь всю свою жизнь и никогда не слышала, чтобы они бросали своих детей.

– Как долго, по вашему мнению, придется ждать, пока соцслужбы зашевелиятся?

Конни рассмеялась.

– Понятия не имею. Столкнувшись с проблемой, обычно мы налегаем на нее всем миром. Мы не особо рассчитываем на помощь со стороны.

– Хорошо, тогда вопрос попроще: когда вы получите новую партию одноразовых подгузников?

– Рон пополняет запасы раз в неделю, он сделает это завтра утром. Так что к завтрашнему дню все будет в наличии.

В магазин зашла девочка-подросток с сумкой, набитой книгами, – должно быть, только что сошла со школьного автобуса.

– Ах, моя милая Лиззи, – сказала Конни. – Мэл, это моя племянница Лиз. Она только что приехала и собирается пожить со мной ненадолго.

– Привет, как дела? – вежливо осведомилась Мэл.

– Привет, – ответила Лиз, улыбаясь. Ее густые и длинные каштановые волосы были высоко зачесаны, соблазнительно ниспадая на плечи; на лице под красивым изгибом бровей сияли ярко-голубые глаза, подчеркнутые густыми тенями, и блестящие губы, полные и пухлые. *«Маленькая сексипильная принцесса, – подумала Мэл, оценив короткую джинсовую юбку, кожаные сапоги до колен на высоких каблуках и короткий свитерок, обтягивающий полную грудь. – Ага, еще и пирсинг в пупке».*

– Хочешь, чтобы я тебе немного помогла? – спросила Лиз у Конни.

– Нет, дорогая. Иди в подсобку и приступай к домашнему заданию. Как прошел твой первый день здесь?

– Вроде неплохо, – пожала плечами девушка. – Приятно познакомиться, – бросила она, исчезая в подсобном помеще-

нии магазина.

– Она красотка, – не удержалась Мэл.

Конни слегка нахмурилась.

– Ей всего четырнадцать лет.

Глаза Мэл расширились от удивления, когда она мысленно повторила эти слова. Четырнадцать?!

– Вау, – единственное, что она смогла из себя выдавить. Девушка выглядела лет на шестнадцать или даже семнадцать. Она могла бы сойти и за восемнадцатилетнюю.

– Да. Вот почему она здесь. Ее мать, моя сестра, старается держать дочь на коротком поводке. Она ни в чем не знает меры. Но так было в Эврике. А здесь не так много мест, где можно побезумствовать, – улыбнулась Конни. – Если бы я могла заставить ее поменьше светить голым телом, то чувствовала бы себя намного лучше.

– Да уж, понимаю, – рассмеялась Мэл. – Да пребудет с вами сила.

«Но я бы лучше задумалась о контрацептивах», – мысленно усмехнулась она.

Когда Мэл забегала в бар перекусить, если там не оказывалось никого из ее новых знакомых вроде Конни с ее лучшей подругой Джой, Рона или Хоуп, она занимала место за барной стойкой и во время трапезы болтала с Джеком. Иногда он присоединялся к ней, и тогда они перекусывали вместе.

Во время этих бесед она узнала больше о городе, о туристах, которые приезжали сюда летом, чтобы жить в кемпингах или ходить в походы, об охотниках и рыбаках, наведывавшихся, когда открывался сезон – река Вирджин отлично подходила для рыбалки нахлыстом; услышав об этом, Мэл не удержалась от смеха. А еще здесь можно было заниматься каякингом, что тоже показалось ей забавным.

Рики познакомил ее со своей бабушкой, которая изредка приходила в бар ужинать. Лиди Саддер было уже за семьдесят, она с трудом передвигалась из-за одолевающего ее артрита.

– У вас очень хороший внук, – сказала ей как-то Мэл. – Вы живете вдвоем?

– Да, – ответила старушка. – Я потеряла сына и невестку в аварии, когда он был совсем маленьким. Я бы сильно беспокоилась за него, если бы не Джек. Он присматривает за Рики с тех самых пор, как приехал в город. Он тут о многих заботится.

– Да, я это в нем замечаю, – призналась Мэл.

Мартовское солнце согрело землю, и повсюду стали набухать бутоны цветов. Мэл посетила мимолетная мысль, что было бы чудесно увидеть эти края в полном цвету – но она тут же напомнила себе, что это невозможно. Малышка Хлоя чувствовала себя прекрасно, и уже несколько женщин из города заглядывали к доктору, чтобы предложить свои услуги в качестве няни.

Мэл осознала, что пробыла здесь уже больше недели, хотя, казалось, прошли считанные минуты. Конечно, если спать не больше четырех часов подряд, время будет лететь словно поезд. Она обнаружила, что жить под одной крышей с Доком Маллинзом проще, чем казалось. Он мог вести себя, как старый сварливый козел, но она с таким же успехом ему парировала – и это как будто даже доставляло ей удовольствие.

Однажды, когда ребенок мирно спал и их не одолевали ни пациенты, ни звонки, Док достал откуда-то колоду карт. Тасуя их, он произнес:

– Так. Давай посмотрим, что тут у нас есть. – Сев за кухонный стол, он раздал карты и объявил: – Джин.

– Все, что я знаю о джине, – только то, что вы смешиваете его с тоником, – откликнулась Мэл.

– Хорошо. Мы будем играть на деньги, – ухмыльнулся он. Она села за стол.

– Вы собираетесь на мне нажиться, – пошутила Мэл.

– О да, – подтвердил старик. А затем улыбнулся, что случилось с ним крайне редко, и принялся учить ее правилам игры.

– По пенни за каждое очко, – предложил он ей. И уже через час Мэл хохотала, побеждая раз за разом, а лицо Дока с каждой минутой принимало все более кислое выражение, отчего смех одолевал ее еще сильнее.

– Давайте, – сказала она, раздавая карты. – Посмотрим, что у вас есть.

В этот момент они услышали, как кто-то входит в парадную дверь, поэтому Мэл решила прерваться.

— Подождите, я посмотрю, кто это. — Затем она ободряюще похлопала его по руке. — Дам вам время сложить колоду.

В проеме входной двери возвышался мужчина с длинной седеющей бородой. Он был одет в грязный комбинезон, изношенные штанины которого опускались на заляпанные грязью ботинки. Манжеты и воротник его рубашки тоже казались потрепанными, как будто он давно уже не вылезал из этой одежды. Мужчина не стал входить в дом, вероятно, чтобы не наследить своими грязными подошвами, поэтому остался стоять в дверях, крутя в руках весьма потасканного вида фетровую шляпу.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросила она его.

— Док здесь?

— Да, конечно. Позвольте, я сейчас его позову.

Она пригласила Дока в холл, а сама, пока он болтал с женщиной, проверила, как себя чувствует Хлоя. Когда Док наконец вернулся на кухню, выражение его лица было крайне настораживающим.

— Нам нужно ехать. Посмотри, сможешь ли ты найти кого-нибудь, чтобы присмотрел за ребенком в наше отсутствие.

— Тебе нужна моя помощь? — уточнила Мэл, возможно, с чуть большей надеждой в голосе, чем ей хотелось показать.

— Нет, — отрезал он, — но я думаю, тебе следует поехать

с нами. Посмотришь, что за жизнь по ту сторону лесной окраины.

Хлоя зашевелилась в постели, и Мэл взяла ее на руки.

– Что это был за человек?

– Клиффорд Паулис. Живет в лесу вместе с еще несколькими оборванцами. Какое-то время назад к ним присоединилась его дочь со своим парнем. У них постоянно возникают разные проблемы. Я бы предпочел, чтобы ты просто наблюдала.

– Хорошо, – согласилась она в некотором недоумении.

После нескольких безуспешных телефонных звонков лучшее, что пришло им в голову, – это отнести девочку через улицу к Джеку вместе с несколькими пеленками и бутылочкой с детской смесью. Мэл тащила ее кроватку, пока Док нес ребенка в одной руке, а другой опирался на трость, хотя она предлагала перенести все в два захода.

– Ты уверен, что справишься? – спросила она Джека. – Возможно, тебе придется менять ей пеленки и все такое.

– Племянницы, – напомнил он ей. – Мне не впервой.

– А сколько конкретно у тебя племянниц? – хмыкнула Мэл.

– На данный момент восемь. Четыре сестры и восемь племянниц. Видимо, сыновей они заводить не умеют. Куда вы направляетесь?

– Я не знаю.

– К Паулисам, – вмешался Док. Джек настороженно при-

свистнул.

Когда они выезжали из города, Мэл задумчиво произнесла:

– У меня какое-то плохое предчувствие. Кажется, об этой семье знают все вокруг, кроме меня.

– Думаю, ты заслуживаешь того, чтобы подготовиться к встрече с ними. Семейство Паулисов вместе с несколькими другими живет посреди леса в небольшом комплексе из лачуг и трейлеров – у них там что-то вроде лагеря. Они стараются не показываться никому на глаза и много пьют, а в город забредают очень редко. В их распоряжении неисчерпаемые запасы чистейшего зернового спирта. Это грязные, опустившиеся люди, но они не доставляют Вирджин-Ривер никаких проблем. Клиффорд говорит, что вчера вечером произошла драка, и нужно кое-кого подлатать.

– Что за драка?

– Они могут вести себя друг с другом довольно жестко. Если послали за мной, значит, серьезная случилась заварушка.

Они долго пробирались через лес – грунтовая дорога здесь была узкой, ухабистой и однополосной, – пока наконец-то не выехали к поляне, вокруг которой, как и рассказывал Док, стояли две лачуги и пара трейлеров. Не дома на колесах, а автомобильные кемперные палатки и крошечный трейлер, который явно видал лучшие времена, вместе со старым пикапом без колес, стоящим на кирпичках.

Они объехали по кругу открытую площадку, посреди которой возвышалось нечто похожее на кирпичную печь. Между кемперами и лачугами были натянуты брезентовые тенты, под которыми стояла настоящая мебель. Не уличная, а самая что ни на есть домашняя: столы и стулья, старые диваны с торчащей наружу начинкой. Плюс старые покрышки, пара небольших пикапов, всякий неопознанный хлам, валяющаяся на боку стирально-отжимная машина. Мэл всмотрелась в глубь деревьев и прищурилась, чтобы лучше разглядеть, что там скрывалось. Это оказался полуприцеп, наполовину закопанный в землю и накрытый маскировочным брезентом. Рядом, несомненно, стоял газовый генератор.

– Вот дерьмо, – выдохнула Мэл.

– Помогай, если сможешь, – бросил Док. – Но рот лишний раз лучше не раскрывай. – Он вперился в нее взглядом. – Тебе будет нелегко.

Док вышел из пикапа, взяв свою сумку. На поляну ото всюду начали стекаться люди – не из своих домов, а, скорее, откуда-то из-за них. Среди них оказалось всего несколько мужчин. Невозможно было угадать, сколько им лет; в своих грязных изношенных комбинезонах их всех было не отличить от бродяг. Все носили бороды и длинные спутанные волосы, как настоящие, законченные хиллбилли²². Телосло-

²² Хиллбилли – в США уничижительный синоним обозначения «деревенщина», которым называют жителей глухой провинции, живущих в горной местности, прежде всего в Аппалачских горах.

жение у всех было худощавое, цвет лица с желтизной; никто из присутствующих явно не отличался хорошим здоровьем. Запах вокруг стоял очень неприятный, и Мэл подумала о туалетах. Должно быть, местные использовали вместо них окружающую лесную чащу; и благоухало тут так, как будто они не утруждали себя уходить далеко от лагеря. Бытовые условия у них были ужасающие. Во всех отношениях эта лесная заимка напоминала маленькую страну третьего мира.

Док кивнул собравшимся и зашагал вперед, пока ему приветственно кивали в ответ. Он явно бывал здесь раньше. Мэл последовала за ним, но медленнее. Док остановился перед хижиной, возле которой его уже ждал Клиффорд Паулис. Док обернулся, чтобы удостовериться, что Мэл не отстает, а затем вошел внутрь.

Она чувствовала, как люди вокруг пожирают ее взглядами, продолжая, однако, держаться на расстоянии. Мэл не то чтобы боялась, но слегка нервничала и ощущала неуверенность, поэтому поспешила за Доком в лачугу.

Внутри стоял небольшой столик со светильником. За столом на низких стульях сидели мужчина и женщина. Мэл еле удержалась, чтобы громко не вздохнуть. Их лица оказались распухшими, все в порезах и синяках. Мужчине на вид было где-то около тридцати, его грязные светлые волосы были коротко подстрижены и торчали ежиком; он непрерывно дергался и дрожал, не в силах усидеть на месте. Женщина примерно того же возраста держала свою руку под странным уг-

лом. У нее явно был перелом.

Док поставил сумку на стол и открыл ее. Затем вытащил оттуда латексные перчатки и надел их. Мэл последовала его примеру, ее движения были замедленными, пульс заметно участился. Она никогда не работала медсестрой на вызовах, но знавала кое-кого из них. В бедных районах Лос-Анджелеса хватало отвратительных трущоб, куда приходилось выезжать парамедикам, но если нечто подобное случилось в городской черте, об этом ставили в известность полицию. Пациентов в этом случае доставляли в отделение неотложной помощи. А в случае домашнего насилия, которое явно имело здесь место, эта парочка отправилась бы в тюрьму прямо из приемного покоя. Когда в семье кто-то получает травмы, обвинение не может выдвигать никто, кроме представителей полиции.

– Что тут у тебя, Максин? – спросил Док, взявшись за руку, которую ему протянула женщина. Он быстро ее осмотрел. – Клиффорд, – бросил он, – мне нужно ведро воды! – Затем повернулся к Мэл. – Приступай к работе. Надо очистить лицо Кальвина, посмотреть, нужны ли швы, а я пока попытаюсь вправить эту локтевую кость.

– Вы не хотите проверить их на гипогликемию²³? – спросила Мэл.

– Не думаю, что нам это нужно, – возразил он.

²³ Гипогликемия – это состояние, возникающее из-за снижения уровня сахара в крови до критически низких значений.

Мэл достала перекись с ватой и осторожно подошла к молодому человеку. Он поднял на нее взгляд и улыбнулся, продемонстрировав полный рот грязных зубов, некоторые из которых, казалось, уже гнили. Она увидела, что у него суженные зрачки – парень накачался амфетаминами под завязку. Он продолжал щериться на нее с улыбкой, поэтому Мэл старалась не смотреть ему в глаза. Очистив несколько порезов на его лице, она наконец не выдержала и в сердцах бросила:

– Сотри-ка эту ухмылочку со своей рожи, или дальше тобой будет заниматься Док. – От этих слов парень глупо захихикал.

– Мне нужно что-нибудь от боли, – промычал он.

– Ты уже закинулся кое-чем от боли, как я погляжу, – парировала она. Он снова захихикал. Но в его глазах читалась угроза, и она решила больше не встречаться с ним взглядом.

Док вдруг сделал резкое движение, отчего рука Кальвина резко ударилась о стол, крепко сжатая разбухшими, артритными пальцами врача.

– Ты никогда больше не будешь так делать, ты меня понял? – Док произнес это с угрожающими интонациями, которых раньше Мэл ни разу не доводилось от него слышать, затем медленно отпустил предплечье Кальвина, продолжая сверлить его сердитыми глазами. Затем Док снова переключился на женщину. – Мне придется вправить эту кость, Максин. А потом наложим гипс.

Мэл совершенно не поняла смысла только что произошед-

шей сцены.

– Может, сделать рентген? – услышала она как будто со стороны свой голос. Ответом ей послужил многозначительный взгляд, в котором явно читалась просьба не болтать. Поэтому она вновь вернулась к лицу молодого человека.

У него была рассечена бровь, но с этой раной можно было справиться с помощью пластыря, без наложения швов. Возвышаясь над ним, она заметила среди редящих волос на его макушке огромную фиолетовую шишку. Максин, должно быть, ударила его чем-то по голове, прямо перед тем, как он сломал ей руку. Мэл перевела взгляд на его обтянутые тканью рубашки плечи и руки, неожиданно осознав, что этот парень не из хлипких – вероятно, очень сильный. По крайней мере, достаточно сильный, чтобы сломать человеку кость.

Принесли ведро с водой, ржавое и грязное. В это мгновение Максин вскрикнула от боли, когда Док внезапно с силой дернул ее за руку, чтобы вернуть ее локтевую кость на место.

Старый Док Маллинз работал молча: наматывал эластичный бинт на руку Максин, затем опускал гипс в ведро, чтобы его размочить, и намазывал поверх ткани бинта. Закончив свои процедуры с Кальвином, Мэл подошла к Доку и остановилась рядом, наблюдая за его работой. Для своих лет тот казался весьма сильным, быстрым и умелым (особенно учитывая артритные руки), но ведь и занимался этим всю свою жизнь. Закончив накладывать гипс, старик вытащил из своей сумки повязку, чтобы подвесить на ней руку Максин.

Завершив работу, он снял перчатки, бросил их в сумку, закрыл ее, взялся за ручки и, не поднимая глаз, зашагал обратно к грузовику. И вновь Мэл торопливо побежала за ним.

Когда они выехали из лагеря, она не удержалась и спросила:

– Слушайте, что там происходит?

– А ты как думаешь? – пожал он плечами. – Несложно догадаться.

– На мой взгляд, это просто ужасно, – скривилась она.

– Да, это ужасно. Но тут все просто. Всего лишь кучка грязных алкоголиков. Они лишились домашнего крова, поэтому живут в лесу. Клиффорд много лет назад сбежал от своей семьи, чтобы поселиться здесь, и со временем к его лагерю присоединились еще несколько таких же горемык. Не так давно тут объявились Максин с Кальвином Томпсоном, и с их приходом в повестке дня у местных появилась травка – они выращивают ее в том полуприцепе. Самая большая загадка для меня – как они его сюда притащили. Готов поспорить, что сам Кальвин не мог этого сделать. Думаю, он связан с какими-то серьезными людьми – предложил им, что будет торчать тут и следить, как подрастает травка. Генератор предназначен для подсвечивания плантации. Воду для этого они таскают из реки. Дрожит Кальвин не из-за марихуаны – от травки он, наоборот, расслабился бы. Наверное, принимает что-то вроде метамфетамина. Наверное, ворует немного марихуаны, обманывая своего босса, и обменивает

на что-нибудь покрепче. Понимаешь, я не думаю, что Клиффорд и эти старики имеют какое-либо отношение к травке. Насколько я знаю, они никогда раньше ее не выращивали. Хотя могу ошибаться.

– Удивительно, неужели это возможно? – хмыкнула Мэл.

– В этих лесах целая куча небольших лагерей по выращиванию марихуаны, хотя некоторые из них довольно внушительных размеров. Но ее невозможно выращивать на открытом воздухе в зимние месяцы. Это по-прежнему самая прибыльная для выращивания культура в Калифорнии. Но даже если дать Клиффорду с его непутевыми стариками миллион долларов, они будут продолжать жить так же, как и сейчас. – Он перевел дыхание. – Впрочем, не все местные «садоводы» похожи на бродяг. Многие из них выглядят как настоящие миллионеры.

– Что произошло, когда вы так резко схватили его за руку? – спросила Мэл.

– А ты что, не заметила? Он поднимал ее, собираясь прикоснуться к тебе. Это довольно фамильярно, как мне кажется.

Она вздрогнула.

– Спасибо. Наверное. Почему вы захотели, чтобы я все это увидела?

– По двум причинам – для понимания того, что собой представляет работа врача в здешних местах. Некоторые места, где «садоводы» растят свою дрянь, заминированы, но это

в их число не входит. Ты никогда не должна отправляться в какой-то из подобных гадюшников без напарника. Даже если там кто-то рожает. Поверь, в этом вопросе тебе стоит ко мне прислушаться.

– Не волнуйтесь, я все поняла, – вздрогнув, произнесла Мэл. – Вы должны кому-нибудь об этом рассказать, Док. Надо позвонить шерифу или еще кому-то.

Не удержавшись, он расхохотался.

– Насколько я знаю, шерифу известно, что в этих краях промышляют «садоводы». По большей части, они стараются не светиться – эта публика не горит желанием, чтобы о ней узнали. Кроме того, я работаю в медицинской сфере, а не в правоохранительных органах. Не говоря уже о самих пациентах и врачебной тайне. Я полагаю, ты тоже придержи-ваешься врачебной этики.

– Они живут по уши в грязи! Страдают от голода и, вероятно, от многих болезней! Вода, которую они пьют из тех ужасных емкостей, явно грязная. Они дерутся друг с другом и умирают от выпивки и... да от чего угодно.

– Ага, – флегматично ответил Док, – мне это тоже не слишком нравится.

Ей показался ужасным такой равнодушный и флегматичный тон.

– Как вы с этим справляетесь? – тихо спросила она.

– Я просто стараюсь делать то, что в моих силах, – спокойно произнес он. – Помогаю, где могу. Это все, что мы можем

сделать, любой из нас.

Она покачала головой.

– Это действительно не для меня, – призналась она. – Я еще могу как-то справиться с подобными вещами, когда дело касается работы в больнице, но я не сельский врач. Это похоже на «Корпус мира».

– В моей практике тоже хватает ярких моментов, – постарался ее успокоить Док. – Просто так получилось, что сегодняшний вызов к ним не относится.

Когда она вернулась в бар, чтобы забрать ребенка, то ощущала себя совершенно сбитой с толку.

– Не очень-то там красиво, правда? – понимающе спросил Джек.

– Ужасно. Ты когда-нибудь туда навещался?

– Наткнулся на них пару лет назад во время охоты.

– Ты не думал кому-нибудь сообщить об этом? – продолжала допытываться Мэл. – Полиции, например?

– Тунеядство не считается чем-то противозаконным, – пожал плечами Джек.

«Значит, – подумала она, – он ничего не знает о полуприце. По словам Дока, он появился там недавно».

– Не могу себе представить, как можно жить в подобных условиях. Могу я воспользоваться твоей ванной? Я хочу хорошенько вымыть руки, прежде чем прикоснуться к ребенку.

– Прямо за кухней, – махнул он рукой.

Вернувшись, она взяла Хлою и прижала к себе, вдыхая

чистый аромат детской присыпки.

– К счастью, тебе не нужно вести такой же образ жизни, – веско произнес Джек.

– И им тоже. Кто-то должен вмешаться, помочь им хоть как-то. Хотя бы привезти им еду и чистую воду.

Он взял детскую кроватку и понес ее через улицу.

– Я думаю, они убили уже слишком много своих мозговых клеток, чтобы это сработало, – сказал он. – Сконцентрируйся на том, что тебе по силам сделать, и не берись за безнадежные дела. От них одна печаль-тоска.

К вечеру Мэл вышла прогуляться. Она ужинала в баре, смеялась вместе с Джеком, и даже Проповедник не мог иногда сдержать улыбку. Наконец она положила свою маленькую ладонь на руку Джека и произнесла:

– Я хочу попросить у тебя прощения, Джек. Я даже не поблагодарил тебя за то, что помог присмотреть за ребенком.

– Ты была немного в расстроенных чувствах, – мягко улыбнулся он.

– Да. Я и сама удивилась. Не то чтобы я раньше не видел бомжей и уличных бродяг. Они часто попадали в мою больницу. До сегодняшнего дня я не понимала, что там, в городе, мы их отмывали, подлечивали и передавали разным соцслужбам. В глубине души я, вероятно, всегда понимала, что скоро они вновь начнут рыться в мусорных баках, но это

уже было не мое дело. А сегодняшняя история – это совсем другое. Эти лесовики никуда оттуда не денутся, и никто им не поможет. За исключением Дока. Нужно немало мужества, чтобы делать то, чем занимается Док.

– Он тянет на себе больше, чем большинство людей, – кивнул Джек.

– Это суровые края, – улыбнулась она.

– Возможно, – согласился он.

– Здесь не так много ресурсов.

– Мы неплохо справляемся с тем, что у нас есть. Но ты должна помнить, что старики в этом маленьком лагере, похоже, нуждаются не столько в ресурсах, сколько в том, чтобы их оставили в покое, – уточнил он. – Я знаю, такие встречи сродни удару под дых, но в большинстве своем здешние края здоровые и процветающие. Неужели эта лесная поездка еще больше усилила твое желание убраться отсюда?

– Это определенно открыло мне глаза. Мне казалось, что работа врачом в маленьком городке – это мирное и приятное занятие. Я и подумать не могла, что у него есть другая сторона, столь же темная, как некоторые из тех проблем, что отравляют нам жизнь в больших городах.

– Ну, не знаю, – возразил он. – В любом случае мирной и спокойной работы у тебя будет больше, чем неприятной. Клянусь. Ты можешь сама убедиться в этом и, если что, прилюдно назвать меня лжецом. Но для этого придется остаться здесь.

– Я пообещала остаться, пока не удастся пристроить ребенка, – напомнила она. – Мне очень жаль, но я не могу обещать большего.

– Не надо никаких обещаний. Я просто указываю на возможные варианты.

– Спасибо тебе, что позаботился о ребенке.

– Она хорошая девочка, – улыбнулся он. – Я был только рад помочь.

Когда она вернулась к Доку, Джек обратился к Проповеднику:

– Ты сам справишься? Что-то мне опять пивка захотелось.

Густые черные брови Проповедника удивленно взметнулись вверх, но он ничего не сказал. Ничего такого вроде: «Опять? Так быстро?». Вместо этого он коротко произнес:

– Я справлюсь.

Джек понимал, что, поскольку он несколько недель ничего не говорил Шармейн, в конечном итоге она может так и не узнать, что им вообще есть что обсудить. Он также осознавал: несмотря на то что Мэл овладела его мыслями, это вовсе не означает, что между ними что-то будет, что она еще хотя бы одну неделю проживет в Вирджин-Ривер. Дело было не в этом. Проблема заключалась в том, что раз он перестал испытывать к Шармейн теплые чувства, неправильно было бы продолжать с ней встречаться. Для него это являлось делом чести. Пускай он никогда не думал о постоянных отношениях, но определенно не рассчитывал никого цинич-

но использовать.

И было еще кое-что. Страх, что когда он будет заниматься сексом с Шармейн, перед его мысленным взором возникнет другое лицо. Такого нельзя было допустить. Это можно посчитать оскорблением для обеих женщин.

Когда Шармейн увидела, как он входит в таверну, на ее лице возникло радостно-удивленное выражение, и она широко заулыбалась. Впрочем, она тут же поняла, насколько необычен этот визит, и ее улыбка быстро исчезла.

– Пиво? – спросила она.

– Как насчет поговорить? – спросил он в ответ. – Сможет ли Бутч заменить тебя минут на десять?

Шармейн непроизвольно отступила на шаг назад. Она прекрасно понимала, о чем будет предстоящий разговор, и в ее карих глазах промелькнула печаль. Ее лицо будто увяло.

– Тебе этого хватит? – спросила она. – Десяти минут?

– Думаю, да. Много времени это не займет.

– У тебя кто-то появился, – заметила она.

– Нет. У меня никого нет. Давай сядем за какой-нибудь столик. – Джек бросил взгляд через плечо. – Вон тот, например. Отпросись у Бутча.

Шармейн кивнула и ушла договариваться. Пока она разговаривала с боссом, Джек подошел к столу. Бутч встал за барную стойку, и женщина присоединилась к Джеку. Протянув руку, он взял ее ладонь.

– Ты была для меня прекрасным другом, Шармейн. Я всегда это ценил.

– Но...

– Меня сейчас заботят другие дела, – продолжал он. – Я больше не приеду в Клер-Ривер выпить пива.

– Тут может быть только одна причина, – грустно произнесла она. – Потому что я тебя знаю. И у тебя есть определенные потребности.

Он долго и упорно раздумывал об этом на пути сюда и не собирался ей лгать. На самом деле никакой другой женщины у него не было. Мэл ею не являлась и, возможно, никогда не станет. То, что она захватила его воображение, вовсе не означало, что эти фантазии когда-нибудь материализуются во что-то большее. Она может сдержать свое слово и при первой же возможности покинуть Вирджин-Ривер; и даже отказавшись от этой мысли, она не станет так рано делать свой ход в этой игре. Причина, по которой он хотел закончить эти отношения, состояла не только в том, чтобы иметь возможность общаться с Мэл. Помимо этого ему не хотелось вводить в заблуждение Шармейн. Она была достойной женщиной и хорошо к нему относилась. И конечно, не заслуживала того, чтобы болтаться в подвешенном состоянии, пока он будет ждать, как себя поведет другая женщина.

Дом в Вирджин-Ривер, может, и готов к заселению, но Мэл – определенно нет. Подкинутый Доку ребенок пока еще удерживал ее в городе, но невозможно было предста-

вить, чтобы она могла ухаживать за Хлоей в лесном домике – единственный в городе инкубатор находился у Дока в клинике, в ее машине не было детского кресла, чтобы возить малышку туда и обратно, а в хижине отсутствовал телефон. Конечно, не было ничего плохого в том, что она жила прямо через улицу от него. Но ему бы очень сильно хотелось, чтобы она переселилась в дом, который он привел в порядок.

Шармейн, конечно, была права – у него есть определенные потребности. Но стоило первый раз увидеть эту заезжую красотку Мэл, как сразу стало понятно, что ничего подобного ему не светит – никаких необременительных договоренностей о сексе через каждые пару недель. Джек не имел ни малейшего представления, во что это может вылиться, но явно во что-то большее. Он накопил обширный опыт увиливания от серьезных отношений, поэтому такая перспектива его серьезно беспокоила. Не менее велики были шансы, что ему останется лишь плыть по воле течения в море одиночества. Поскольку Мэл, очевидно, терзали какие-то внутренние проблемы. Он понятия не имел, какие конкретно, но проблески печали в ее глазах корнями уходили в прошлое, от которого она явно пыталась убежать. Несмотря на это, он желал ее. Желал ее страстно и безоговорочно.

– В том-то и дело, – согласился он. – У меня есть потребности. И, кажется, то, что мне нужно сейчас, разительно отличается от того, в чем я нуждался в прошлом. Я мог бы легко и дальше наведываться сюда, Шармейн. Я прекрасно себя

здесь чувствую, ты невероятно добра ко мне. Но последние два года, когда сюда приезжал, я делал это совершенно искренне. По-другому и быть не может.

– В прошлый раз все было как-то по-другому, – с укором произнесла она. – Я чувствовала: здесь что-то не так.

– Да, мне очень жаль. Это первый раз, когда я совершенно себя не контролировал. Ты заслуживаешь большего.

Она слегка приподняла подбородок и взъерошила свою прическу.

– Что, если я скажу, что мне все равно?

Боже, как же паршиво он себя чувствовал, произнося эти слова.

– А мне нет, – вот и все, что он смог сказать.

Глаза Шармейн подернулись поволокой слез.

– Ладно, – храбро выдохнула она. – Тогда ладно.

Уезжая оттуда, Джек знал, что должно пройти некоторое время, прежде чем он придет в себя из-за только что совершенного поступка. Все эти рассказы о свободных отношениях, об отсутствии каких-то оков или обязательств... На самом деле все обстоит совсем иначе. Отсутствие чуши с обязательствами означает лишь то, что вы о них не разговариваете, не делая попыток поднять отношения на новый уровень. У него был своего рода контракт с Шармейн, пускай даже он не был оформлен юридически, оставаясь обычным соглашением на базе обоюдных компромиссов. Однако она надеялась на этот договор, а он только что его разорвал. И, таким

образом, подвел ее.

Глава 5



По утрам, покормив первый раз малышку Хлою и уложив ее спать, Мэл любила выходить с чашкой кофе на крыльцо Дока и сидеть на ступеньках. Она обнаружила, что ей нравится смотреть, как просыпается этот маленький городок. Сначала солнце начинало просачиваться золотой дорожкой сквозь высокие сосны на улицу, отчего она становилась все светлее. Отовсюду раздавался звук открывающихся и закрывающихся дверей. По улице, с востока на запад, медленно проехал грузовик «Форд», разбрасывая газеты – «Новости Гумбольдта». Ей нравилось начинать утро со свежей газеты, хотя та была совсем не похожа на «Лос-Анджелес Таймс».

Вскоре появились первые стайки детей. Автобус подбирал их в дальнем западном конце главной улицы города. Они шли пешком или проезжали мимо на велосипедах, а затем, остановившись в месте сбора, привязывали своих «железных коней» к деревьям у кого-то во дворе. В городе такое невозможно представить – чтобы кто-то позволил использовать свой двор в качестве стоянки для велосипедов, пока дети учатся в школе. Она увидела, как Лиз вышла из дома Конни, расположенного прямо рядом с магазином; та шла через улицу, перекинув сумку с книгами через плечо, соблазнительно виляя попой. «Ух ты, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.